

# НОВОЕ ВРЕМЯ

Двенадцать  
присяжных  
на четыре  
«тройки»  
не делятся

# 49

декабрь 1992

Наш  
рапорт  
съезду

Индекс 70621  
ISSN 0137 - 0723





# МЕДИАН

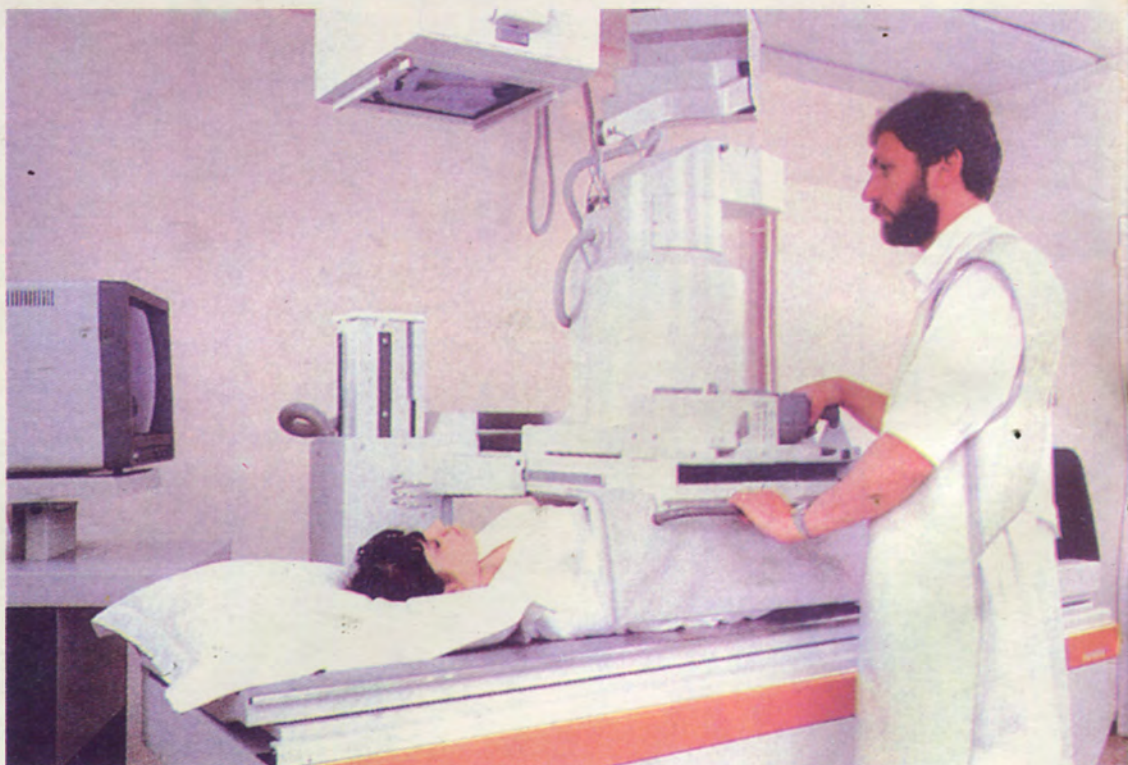
## Поставка и приобретение импортного и отечественного медицинского оборудования за рубли и СКВ

*Современные способы диагностики  
и лечения заболеваний на базе НИИ  
трансплантологии и искусственных  
органов с госпитализацией в лучших  
клиниках г. Москвы.*

*Заключение договоров с предпри-  
ятиями и организациями на комплекс-  
ное медицинское обслуживание.*

Наш адрес:  
123436  
г. Москва,  
ул. Щукинская,  
дом 1, НИИ  
трансплан-  
тологии и  
искусствен-  
ных органов.  
Тел./факс (095)  
190-5215.

Представительство  
на ВДНХ:  
павильон  
«Здоровье».



# МЕДИАН

**Читайте в этом номере:****В РОССИИ И РЯДОМ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i> БУДЕТ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СЪЕЗДА?	4
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД <i>М. Шакина</i> НЕЗАМЕТНЫЙ ПРОЦЕСС ВЕКА	8
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> МИМО ТЕЩИНОГО ДОМА	9
ЛИТВА <i>К. Мяло</i> МЕДОВЫЙ ГОД ПОСЛЕ РАЗВОДА	10
<b>ТАДЖИКИСТАН</b>	
<i>А. Дубнов</i> ДЕПУТАТЫ ДОГОВОРИЛИСЬ. ДЕЛО ЗА ПОЛЕВЫМИ КОМАНДИРАМИ	12

**МИР**

ГЕОПОЛИТИКА <i>А. Арбатов</i> ИМПЕРИЯ ИЛИ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА?	16
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ <i>И. Руденко</i> БРАТЬЯ СТАНОВЯТСЯ СОСЕДЯМИ	19
БАЛКАНЫ <i>Г. Сысоев</i> НАШИ НА ЧУЖОЙ ВОЙНЕ	20
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»	
<i>М. Хезлтайн</i> «ТРУДНО ВАЛЮТУ ВЛОЖИТЬ, ЕЩЕ ТРУДНЕЕ ЕЕ ВЫВЕЗТИ»	22
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>В. Макаренко</i> РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ	23
БРУНЕЙ <i>А. Чудодеев</i> САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ ЗДЕСЬ	26
ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ <i>А. Полюхов</i> БРАК ПО РАСЧЕТУ	29

**ТРЕТЬЯ КОРЗИНА**

МЕДИЦИНА <i>А. Воробьев</i> «СБОИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ – ЭТО ВСЕГДА МОГИЛЬНЫЕ ХОЛМИКИ»	30
СУДЕБНАЯ РЕФОРМА <i>В. Басков</i> ГДЕ ВЫ, ДВЕНАДЦАТЬ ПРИСЯЖНЫХ?	34
ЛИТЕРАТУРА <i>И. Млечина</i> В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ВО ФРАЙБУРГЕ	37
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>С. Хук</i> БЮРОКРАТИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СВОБОДА	40
МЛАДШИЙ МИР <i>С. Соловейчик</i> СКОЛЬКО ПРОТЯНЕТ ШКОЛА?	43
НРАВЫ <i>И. Лагунина</i> «ОДНОРУКИЕ БАНДИТЫ» В РУКАХ У ИНДЕЙЦЕВ	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>В. Ланчиков</i> РОГАТЫЙ ЛЕВ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Обложка Виктора Бреля

Номер сдан в печать 1 декабря 1992 года



Несколько месяцев страну волновал один вопрос: победят реформаторы на съезде или проиграют? Похоже, они проиграли еще до съезда

Стр. 4



Самый богатый человек в мире – султан Брунея – руководствуется принципом: «Не ешь один». Поэтому его подданные хорошо едят и вообще живут припеваючи

Стр. 26



Индейцы научились неплохо зарабатывать на пороках белых американцев

Стр. 46

**Главный редактор**

Александр  
ПУМПИАНСКИЙ

**Редколлегия:**

Виталий ГАНЮШКИН,  
первый заместитель  
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,  
заместитель главного  
редактора,

Павел САМАРЧАН,  
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,  
президент а/о «Издательский дом  
«Новое время»

**Собственные  
корреспонденты  
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,  
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,  
Лондоне, Мадриде, Мехико,  
Праге, Претории, Нью-Йорке,  
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель –  
журналистский коллектив  
«Нового времени»**

Выходит на русском и  
английском языках

Наш адрес: 103782, ГСП,  
Москва, К-6, Пушкинская пл.  
Тел. 229-88-72, 209-07-67  
Телексы: 411164a newt SU,  
411164b newt SU  
Телефаксы: 200-42-23;  
200-41-92

Отпечатано в ИПК  
«Московская правда».  
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

Регистрационное  
свидетельство №970.  
Тираж 100000.  
Заказ №5361

Цена по подписке – 59 коп.,  
в розницу – 2 руб.

© «Новое время»

■ Прочитав «Охоту на корреспондента» (№ 39/92), решил написать о своем отношении к деятельности журналиста Михайлова, касавшейся его «разоблачений».

Считаю, что прием, которым воспользовался Михайлов, добывая совершенно секретный приказ №0015, мало чем отличается от разоблачаемой им деятельности работников милиции. Судя по всему, Михайлов также подыскивал себе агента из работников МВД. Оплатил его услуги, которые по большому счету никак нельзя не назвать предательством, подлостью.

Единственно, в чем расходятся действия Михайлова с подобными действиями работников МВД, — цели. Милиция осуществляет, мягко выражаясь, не самую красивую (хотя и законную) деятельность в интересах борьбы с преступностью. Корреспондент и редакция преследуют, на мой взгляд, сугубо меркантильную, корпоративную цель. Наплевав на борьбу с преступностью, они стремятся добыть побольше подписчиков, делая это гадким и явно незаконным способом. А всякие рассуждения о «раскрытии обществу противозаконной деятельности» представляются просто демагогией, ширмой. Ведь как ни говори,

а воровство чего бы то ни было (в том числе и секретов) недостойно честного человека.

Сопоставив эти две цели, можно сделать вывод о том, кто ведет себя более нравственно, точнее безнравственно.

Или редакция «Саратова», вербуя (назовем вещи своими именами) себе пособника из числа работников МВД, не ведала, что при этом не только «уничтожала личность» этого человека, но и подводила читателей к мысли, что сейчас все можно продать и купить?

Александр Никитин  
Пенза, военный городок

■ Мне понятна озабоченность автора статьи «Почему свинство нельзя оправдывать» (№ 18/92), но тем не менее у меня материалы подобного рода вызывают неприятие.

Сегодняшняя Россия и Веймарская Германия — это разные эпохи. Соблазнительно проводить параллели, но стоит ли? Это же явный схематизм. Недооценивает автор и антифашистский потенциал нашего народа, его исторический опыт борьбы с нацизмом и фашизмом. Говоря об ошибках демократов, автор не конкретен. Можно подумать, что он знает, как надо умело и

удачно действовать. Многие ошибки неизбежны и естественны. Не забудем, из какого исторического тупика мы выходим. Все разговоры о «правых» и «левых» мне чем-то напоминают слова песни — «левая, правая где сторона, улица, улица, ты, брат, пьяна». Речь надо вести о гражданском согласии, о путях к нему. Никто не владеет истиной в полной мере — ни славянофилы, ни западники (или сегодня — неославянофилы и неозападники). Надо идти от конфронтации к историческому компромиссу. Общую платформу, почву найти можно. Больше понимания, терпимости, меньше амбиций, подозрительности, высокомерия. Не надо, например, заключать в кавычки слова корневая, народная культура. От того, что мы назовем городскую думу мэрией, а городскую управу префектурой, ближе к истинным западным ценностям не станем. Одним словом, демократия у нас должна быть оплодотворена почвой, а почва — демократией. Не надо противопоставлять одно другому.

Арнольд Анучкин-Тимофеев  
Москва

■ Почти год на территории, формально принадлежащей Российской Федерации, существует независимая Че-

## «Оттепель» в котле

■ До недавнего времени в Европе было 35 государств. Сегодня 50 наций со ссылкой на право самоопределения претендуют на суверенитет. То, что этот процесс протекает далеко не мирным путем, доказывает гражданская война в Боснии и Герцеговине, а также военные «споры» в Молдове, Грузии, в Нагорном Карабахе.

В настоящее время в Восточной Европе так называемые «меньшинства» часто составляют почти половину коренного населения. Европа вместе с Востоком уже с давних времен была бурлящим котлом наций, где едва можно было найти регионы с чистой расой. Поэтому защита национальных меньшинств — это требование времени. Но если национальное сознание поворачивается в сторону шовинизма, то споры становятся неизбежными. В чем следует искать причины этих уже вспыхнувших или пока еще тлеющих межгосударственных конфликтов?

Наступившая в восточных странах «отте-

пель» снова поднимает вопрос о старых европейских границах, а с ними и старые европейские конфликты, которые в течение десятилетий «холодной войны» были скрыты блоками государств. Ведь 55 процентов границ в Европе появились лишь в XX столетии и были, по сути дела, продиктованы интересами победителей и претензиями на власть.

Эта же «оттепель» извлекает на свет проблему еще более старых границ, на которую мало обращают внимания. Это в определенной степени культурные или, лучше сказать, социально-культурные границы, которые наряду с религиозным размежеванием между католиками и протестантами, с одной стороны, и православными — с другой, обозначают границу между двумя политическими системами. Эта старейшая линия раздела становится исключительно важной, после того как социализм десятилетиями напрасно стремился всеми силами вообще ее стереть. На Балканах, например, по-

## Может ли журналист завербовать милиционера?

Учитесь гордиться длиной стопы!

Хорошо, что Дудаев не берет пример с Хасбулатова

Чеченская Республика. И нет никаких шансов на то, что Чечню в обозримом будущем удастся без кровопролития подчинить Москве. Но руководство России продолжает надеяться на чудо и затягивает признание независимости Чечни.

На мой взгляд, надо сделать следующее. Снять конституционный запрет на отделение республик от России. Признать независимость Чечни и заключить с ней двусторонний договор. После этого надо принять закон о порядке выхода из федерации, предусматривающий переходный период от референдума до полного отделения. От республик, не желающих отделяться, необходимо требовать строгого выполнения условий Федеративного договора и российских правовых актов.

Распада России при этом не произойдет. Отделаться

один, два или несколько субъектов, но при этом сохранится их сильнейшая экономическая зависимость от России. В глазах сепаратистов сильно померкнет образ «русского врага». И никто не сможет больше запугивать нас отделением. Улучшатся условия для проведения радикальных экономических реформ, и их успехи выбьют главные козыри из рук националистов.

А в заключение хотел бы отдать должное Дудаеву. Ему по крайней мере не пришлось в голову выселять из грозненских гостиных «лиц русской национальности». Зато российский спикер додумался так поступить с чеченцами.

Константин Шейко  
Калуга

■ Среди останкинских пикетчиков и их собратьев по Санкт-Петербургу популярен лозунг «Русское телевидение — для русских». В их понимании инородцы, и прежде всего евреи, засорившие телевидение, не могут выражать интересы русского народа.

Нет ничего гнуснее, чем выискивать врагов по национальной принадлежности, и самая дешевая гордость — это гордость национальная. Нелепо гордиться тем, что ты русский, еврей, грузин... Это все равно, что гордиться цветом своих волос, глаз или длиной своей стопы. В этом ведь нет никакой твоей личной заслуги. Так уж папа с мамой постарались.

Другое дело, когда чело-

Я ТАК ВИЖУ



Рисунок Марата Таимова

век гордится своим мастерством. Такая гордость понятна. Человек своим трудом и способностями добился высокого мастерства, что выделило его среди других. Но, когда у человека нет ничего, что отличало бы его от других, он начинает выпячивать свою национальную принадлежность, приписывая при этом своей нации, а значит, и себе только положительные качества, отбрасывая все

негативное и постыдное, а этого достаточно было в истории каждой нации.

Настоящий профессионал своего дела никогда не будет интересоваться национальной принадлежностью своего коллеги по работе. Его интересуют только профессиональные качества. Профессионалов объединяют общие интересы и убеждения. Для них главное — экономические и политические свободы, приоритет личности над коллективом.

У люмпенов, которые составляют социальную базу национал-патриотов, все наоборот. Их мечта — государство, при котором бы царил «порядок и дисциплина» и где всегда можно, как раньше, получить (пусть не большой), но гарантированный кусок общественного пирога.

История знает много примеров торжества люмпенских масс. Во всех этих случаях люмпены торжествовали — они победили. Но это была «пиррова победа», принесшая много горя и бед всем, в том числе и победителям.

Ю. Лукьянов  
Санкт-Петербург

Подборку подготовила  
Т. Чернова

добная конфликтно-опасная разделительная линия существует по отношению к исламу.

Удастся ли сдвинуть, образно говоря, эту социально-культурную границу на Восток, станет ясно в последующие годы. Не исключено, что в результате происходящих в этом столетии перемен идеологическая пропасть между Западом и Востоком еще более углубится.

Решающую роль для Запада может играть политика, которая признает «европейцами» тех, кто активно способствует построению новой Европы. Эта поддержка в духовной сфере должна проявляться, между прочим, весьма деликатно. «Европейская» идея может быть легко воспринята в бывших коммунистических странах совершенно по-другому, а именно: как чужеродная и разрушительная миссия по отношению к их собственной культуре.

Корень этой сложнейшей проблемы системной трансформации стран Центральной и Восточной Европы, и прежде всего республик бывшего СССР, лежит в конечном счете в образе мышления. Хотя люди там и имеют уже свободу,

но они все еще не пришли к демократическому управлению, поэтому свобода является очень хрупкой. Как и раньше, это — общество, в котором политическое волеизъявление распространяется не снизу наверх, а в обратном порядке. Абсолютно все — и материальное, и духовное — люди хотят получить от государства. По предвзвтому мнению разочарованных и покорных судьбе людей, именно государством, а не инициативой каждого должны быть созданы демократия, парламентаризм и рыночное хозяйство.

Речь идет о том, чтобы способствовать осознанию человеком необходимости самому нести ответственность за себя и за общество.

Временной фактор играет здесь решающую роль. Скорее всего, для того чтобы показать народу результаты реформ, потребуются не годы, а, возможно, десятилетия и вместе с тем поколения людей. Но есть ли у нас требуемое время — это вопрос риторический.

Доктор Маркус Герцинг,  
директор Швейцарского восточного института  
Фонда демократии



## Будет ли жизнь после съезда?

Чем ближе был съезд, тем больше все гадали: чем он закончится? Проиграют ли на нем реформаторы или смогут сохранить власть? Они проиграли до съезда

Марина Шакина

**З**а несколько дней до съезда президент предпринял некоторые шаги, которых от него ждали — одни с опасением, другие с нетерпением. Серия отставок и перестановок в правительстве, резкая перемена фигур на политической шахматной доске создали новую предсъездовскую ситуацию.

Что это было? Те самые гарантии, свидетельствующие о смене курса, которых жаждал «Гражданский союз»? Шаг назад, за которым последуют два шага вперед?

Или все указывает на то, что президент «сдает» политические фигуры, чтобы сохранить главное — кабинет экономических реформ?

## Борись, но не правь!

В среде демократов отставка Егора Яковлева, Михаила Полторанина, удаление в тень Геннадия Бурбулиса вызвали откровенное беспокойство. Все последние перемены в окружении президента, в числе которых уход Федора Шелова-Коведяева, Валерия Тишкова, Галины Старовойтовой, говорили о том, что Ельцин избавляется от демократов.

На самом деле сегодня мы являемся свидетелями первого серьезного кризиса ельцинской власти, которую мы привыкли отождествлять с демократической. «Демократическая Россия» в свое время подхватила как знамя выпавшего из партийной элиты Ельцина. Демократы работали по всей России, созывая избирателей сплотиться вокруг Ельцина. Они привели его к президентству. Они обеспечили ему

победу в безжалостном соревновании с Горбачевым. Они создали ему крепкие тылы в дни путча. Они «пробили», несмотря на отчаянное сопротивление, экономическую реформу, которая, что бы ни говорили, уже изменила Россию и имеет шансы на успех. Сегодня «Демроссия» измельчала и погрузилась в дрязги, ее влияние в парламенте практически сошло на нет. Ельцин в 1989 году очутился в объятиях демократов во многом случайно. Настала пора разойтись? Ельцин возвращается к себе, в себя?

История с отставкой Егора Яковлева, решенной в чисто секретарско-обкомовском стиле (жалобы Галазова, в ответ — «сниму сегодня же!», больше никаких «церемоний»), многим напомнила старые времена и заставила сделать печальный вывод: демократ Ельцину — не сват и не брат.

Такой вывод воодушевит многих нынешних оппозиционеров, которым страшен вовсе не Ельцин, а влиятельные реформаторы из его окружения. Все последние месяцы борьба оппозиции против министра

иностранных дел, государственного секретаря, гайдаровской команды сопровождалась приговорами: «Не путать президента с правительством!», «Если Ельцин поменяет кабинет, то мы ничего не будем против него иметь». Это говорил и коммунист Бабурин, и националист Стерлигов.

Недавно раскол, произошедший в правительстве и окружении Ельцина между радикальными реформаторами и консерваторами, вышел наружу. Именно так можно интерпретировать совместные заявления четверки — Бурбулиса, Полторанина, Козырева и Чубайса. Да и до того каждый из четырех время от времени предупреждал об угрозе «реванша», о «грядущей диктатуре», о «красно-коричневой опасности». Единства в ельцинских рядах, как видно, нет и скоро совсем не будет.

По оценке Геннадия Бурбулиса, «линия фронта» пролегает сегодня не между президентом и правительством, с одной стороны, и депутатами, с другой. Борются со все возрастающим ожесточением реформа-

**Геннадий БУРБУЛИС** всегда раздражал депутатов. И всегда был для них недосягаем.

Верховный Совет, не желавший президентства в России, всенародно избранным Ельциным вынужден был смириться, но с его «правой рукой» мириться не хотел. На каждом съезде вставал вопрос об отставке Бурбулиса. С упорством, достойным восхищения, депутаты требовали удаления Бурбулиса из высших коридоров власти.

Парламент приводило в возбуждение прежде всего то, что он, имея власть, никому, кроме президента, не был подотчетен. Что в какой-то период его влияние на Ельцина было безраздельным. Что Ельцин придумывал для него все новые и новые должности, проявляя недюжинную изобретательность (в этом ему, очевидно, помогал сам Бурбулис), — полномочный представитель председателя Верховного Совета, глава Госсовета, первый заместитель премьер-министра, государственный секретарь Российской Федерации, государственный секретарь при президенте. Ныне Бурбулис — руководитель группы советников.

Теперь депутаты могут окончательно успокоиться — Бурбулис, которого на первых порах подвело тщеславие, заставлявшее его принимать посты с пышными названиями и окружать себя атрибутами власти, ушел в тень. Депутаты добились своего?

Вне зависимости от того, как называлась его должность, он был руководителем «мозгового центра» Ельцина, его начальником штаба, главным стратегом и организатором. Бурбулис сохраняет за собой возможности идеального влияния на президента — именно в неожиданных политических идеях всегда была его сила. В этом смысле в окружении Ельцина ему нет конкурентов — на роль доктринера, идеолога президентства не тянут ни Скоков, ни Петров, ни Лобов. Так что ликовать депутатам рано...



Мало кто ожидал, что Ельцин откажется от **Михаила ПОЛТОРАНИНА**, который, твердили все, был его самым верным другом и самым испытанным товарищем. Он был с Ельциным и в дни триумфов, и в дни поражений.

Профессиональный журналист, правдист, Полторанин оказался в роли редактора «Московской правды», когда в столичный горком КПСС пришел Ельцин. Резкий и прямой, новый редактор даже по характеру подошел новому первому. Соответственно Полторанину пришлось уйти из газеты после смещения Ельцина.

Он получил пост в первом же российском кабинете, который формировался при Ельцине.

Под опекой Полторанина возникло российское телевидение, несколько новых газет, был принят либеральный закон о печати. В этом году министерство стало предоставлять субсидии терпящей финансовый крах прессе.

То, что именно Полторанин возглавлял министерство печати, Полторанин — журналист и редактор, имеющий немалые заслуги в борьбе с всевластием КПСС, против тоталитаризма в печати, для многих журналистов было гарантией свободы слова.

Однако профессия «старый товарищ», как оказывается, не всегда самая необходимая в правительстве, особенно в дни кризисов и политических потрясений.

Полторанин не стесняется в выражениях, но недовольство его высказываниями выплескивается на президента. Он втянул Ельцина в борьбу вокруг «Известий», но Хасбулатов переиграл президента.

С уходом Полторанина демократическая пресса может себя почувствовать без прикрытия, ослабнет ее связь с президентом. Впрочем, старый товарищ так и останется старым товарищем. Полторанин вряд ли уйдет далеко от Ельцина.



торские и консервативные силы и там, и там — и в Верховном Совете, и в окружении президента.

## Аппетиты депутатов не тают

От красивой гипотезы, дескать, Ельцин жертвует теми, чьих голов особенно требует парламент, ради того чтобы сохранить правительство реформаторов, и прежде всего команду экономистов, приходится отказываться. По нашим сведениям, предложение принять дела у Гайдара было еще до съезда сделано нынешнему послу во Франции Юрию Рыжову и нынешнему секретарю Совета безопасности Юрию Скокову.

Судя по некоторым признакам, Ельцин видит очертания компромисса в договоре с директорским корпусом и с Хасбулатовым, которые в ответ на то, что правительство приняло некоторые положения их программы, обещали не выносить вотум недоверия Гайдару и продлить дополнительные полномочия президенту. Но в любой день съезда дело может повернуться в любую сторону, взорвав соглашение, которое со стороны депутатов не обеспечено никакими гарантиями.

Намеки Хасбулатова в предсъездовском интервью на телевидении.

что он ничего не имеет против Гайдара, но видит его в составе правительства простым министром, свидетельствуют о том, что сценариев развития съезда может быть несколько. Во всяком случае предложение Гайдару занять пост министра под началом Вольского, Хасбулатова или Шумейко будет означать одно — Гайдара и его «мальчиков» выталкивают в добровольную отставку под аккомпанемент красивых слов о том, что людей надо беречь и что Гайдар много «вырос» по сравнению с концом прошлого года.

Ельцин явно и недвусмысленно избегает конфронтации с депутатами вплоть до того, что, кажется, уступит им в самых принципиальных вопросах — в вопросе о реформе.

[illegible]

Давление  
правых  
все  
ожесточеннее...



Весь год ходят не истребимые, не развеиваемые никакими заявлениями и опровержениями президента слухи об отставке министра иностранных дел **Андрея Козырева**. Такие слухи — хорошо испытанный способ давления на политика.

Его обвиняют в угодничестве перед Западом, в потакании членам Содружества в ущерб интересам России, в слишком мягкой позиции по отношению к бывшим республикам Союза, где ущемляются права русскоязычных.

Слишком умерен министр и в вопросах территориальных споров с другими государствами. Депутаты предпочли бы видеть на его месте «силовика» или вообще кого-нибудь другого, должность министра иностранных дел — пост, завидный для оппозиции любого рода.

И перед прошлым съездом президент провел предварительные маневры, призванные смягчить депутатов. — подал в отставку с поста первого заместителя премьер-министра все тот же Геннадий Бурбулис, попросил освободить его от обязанностей руководителя аппарата президента бывший партийный функционер Юрий Петров (это специально для демократов), ушел из вице-премьеров Сергей Шахрай. Но удовлетворение от того, что ненавистные Бурбулис и Шахрай удалены из властных структур, не помешало съезду требовать «крови» всех остальных. Это не отвлекло их и не утихомирило. Аппетиты депутатов ввиду ретирады Ельцина только разгорелись.

## Ради министерских портфелей

Отступая ради сохранения стабиль-

**Егор ЯКОВЛЕВ** пережил в своей жизни не одну опалу и вряд ли надеялся долго возглавлять «Останкино», но такого унижительного освобождения от должности он не мог предвидеть.

Один из самых блестящих редакторов, Яковлев рано сделал карьеру. С поста заместителя главного редактора «Советской России» он был назначен членом редколлегии «Правды» (номенклатура политбюро ЦК КПСС) и создал журнал «Журналист». Но он был слишком яркой фигурой и столь же быстро потерял свое кресло.

Многие годы он писал книги и снимал документальные фильмы (потом он станет народным депутатом СССР от Союза кинематографистов) о Ленине — частое занятие советских либералов, потому что в те времена прославление человеческих черт Ленина считалось борьбой против сталинизма.

В 1986 году новый секретарь ЦК КПСС по идеологии Александр Яковлев вернул своего однофамильца из Праги, где он работал корреспондентом «Известий», и назначил главным редактором «Московских новостей».

Егор Яковлев превратил рекламно-экспортные «Московские новости» в символ гласности. Он проделал путь от редактора газеты, постоянно раздражавшей Горбачева, до члена совета при президенте. Горбачев после провала путча назначил его главой радио и телевидения. Принятие полуминистерского поста было странно для вечного оппозиционера, но честолюбие и, возможно, ощущение того, что «Московские новости» прошли пик популярности, побудили Яковлева принять предложение.

Он оказался главой союзного телерадиовещания в тот момент, когда Союз перестал существовать, и безуспешно пытался сделать «Останкино» межгосударственной компанией, финансируемой всеми республиками бывшего СССР. Многие утверждали, что это невозможно, потому что все владельцы потребуют лояльности, а противоположные точки зрения примирить невозможно. И, кажется, были правы.

Ельцину не прибавило популярности увольнение Яковлева, зато ему самому вернуло прежний имидж.





ности власти и курса реформ, Ельцин может запутаться в собственных маневрах. Делая уступки, в том числе и довольно рискованные, он становится заложником этой логики и может не заметить, как количество уступок перерастет в каче-

ство, которое превратит реформы в застой или движение вспять.

Что тогда вдохнет вторую жизнь в реформу, что заставит опять радикализировать экономический и политический процесс? Политическая активность народа на исходе. Заграница нам в этом деле не поможет: она и сейчас денег не дает и то, что не даст в случае перемены курса, — не большой стимул. Нагнать вторую волну реформы смогут, очевидно, лишь крупные социальные потрясения. Боязнь социальных потрясений от слишком быстрых реформ может привести к тому же результату в случае их отсутствия.

Съезд таит для президента еще одну опасность. До последнего времени его последовательными сторонниками были только демократы. Популярность Ельцина во многом обеспечивала его связанность с реформами, с демократическими идеями. Отставка некоторых демократов уже сейчас поколебала многих сторонников «Демроссии» и часть демократической прессы. Не получит ли Ельцин кроме оголтелой псевдодуховной оппозиции, кроме более респектабельной центристской еще и демократическую оппозицию?

Центристы из директоров заинтересованы в союзе с Ельциным лишь до тех пор, пока они, используя все

виды давления на Ельцина, не займут ключевые посты в правительстве. Тот факт, что ради шантажа президента они не погнушались контактами с национал-патриотами из «Российского единства», говорит о том, что их поддержка мало идейна и достаточно беспринципна. Ельцин собирается организовывать собственную партию. Дело поручено все тому же Геннадию Бурбулису.

Бурбулис — способный организатор, но среди кого он станет вербовать сторонников Ельцина? Идеи уже разобраны, люди — тоже. Ельцин, ушедший от коммунистов и не пришедший к демократам, сторонящийся национал-патриотов, вряд ли найдет себе политическую нишу. Расчет может быть только на иррациональных поклонников личности президента, а таких — сколько? Со всех сторон доносятся признания бывших ельцинистов — будь сегодня выборы, я бы за него не голосовал...

Стремясь любой ценой избежать конфликта с депутатами, Ельцин может подвергнуть испытанию стабильность собственной власти и собственный политический имидж реформатора, который на сегодня и составляет его основной капитал — и в стране, и за рубежом.

**С**оветник президента России по международным отношениям и российский депутат **Галина Старовойтова** была потрясена тем, как ее уволили — ничего не объяснив.

В свое время Борис Ельцин включил ее в свое окружение, потому что она могла принести ему голоса — и не только либеральной интеллигенции. В 1989–1990 годах союзный депутат от Армении Галина Старовойтова, которая работала в Центре по изучению международных отношений Академии наук, была одной из самых заметных фигур в новой политической жизни.

Эрудированная женщина с сильным голосом и уверенной речью, она хорошо смотрелась по телевидению, говорила интересно, смело и пользовалась популярностью.

Должность президентского советника была больше престижной, чем реальной. За этот год Галина Старовойтова так и не вошла во внутренний круг аппарата Ельцина, зато его раздражали разговоры о том, что она слишком проармянски настроена или слишком часто ездит за границу.



**Б**орис Ельцин не причастен к освобождению своего бывшего коллеги по межрегиональной депутатской группе 35-летнего **Аркадия Мурашева** от должности начальника главного управления внутренних дел Москвы, но ему не должно было бы быть безразличным увольнение одного из немногих демократов, занимавших видный пост.

Судьба Мурашева была predetermined в тот момент, когда с поста мэра Москвы ушел Гавриил Попов. Уже тогда было известно, что Юрий Лужков не терпит Мурашева, а в министерстве внутренних дел тем более жаждал избавиться от либерального чужака.

Молодой сотрудник академического Института высоких температур, Мурашев легко был избран народным депутатом СССР от одного из московских районов. Симпатичный, хорошо улыбающийся, он стал координатором межрегиональной депутатской группы, а одним из ее сопредседателей был Борис Ельцин.

Но для продолжения политической карьеры Мурашеву, видимо, не хватило амбициозности. А для того чтобы сохранить пост главного милиционера — аппаратной хитрости.

Увольнение Мурашева свидетельствует о том, что команды демократов не существует. Есть одиночки, которых несложно убрать.



# Незаметный процесс века

**Суд исполнил свой долг и даже, можно считать, проявил мудрость. Но общество разочаровано**

Марина Шакина

**Д**ело о КПСС завершено, решение суда обжалованию не подлежит: указы президента о приостановлении деятельности коммунистических партий Советского Союза и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, об их имуществе и деятельности на девяносто процентов признаны конституционными.

Разбирательство по второму ходатайству — о неконституционности самой КПСС — прекращено ввиду отсутствия предмета рассмотрения. КПСС распалась, а российская компартия не была оформлена юридически.

В решении суда есть пара пунктов, которые можно трактовать в пользу коммунистов. Первый касается имущества. Суд провозгласил, что та часть имущества, которая являлась государственной собственностью, подпадает под действие указа и возвращается государству. Другой части имущества, непосредственным собственником которой является КПСС или собственник которой не установлен, указ не касается.

Все это могло бы воодушевить коммунистов, если бы не маленькое обстоятельство: вопрос о собственности будет решаться в арбитражном, хозяйственном суде. Кто явится в арбитраж вместо КПСС?

Простой группы депутатов там недостаточно. Отстаивать имущественные права КПСС может юридическое или физическое лицо, ко-

торое суд признает правопреемником КПСС.

Но главная сложность в том, что имущественные дела партии предельно запутаны, источники ее существования и доходы, происхождение зданий, средств неясны. Есть, например, собственность, доставшаяся «историческим путем» — попросту говоря, присвоенная в дни революции и годы тоталитаризма. В каждом отдельном случае арбитражу придется разбираться до мелочей — не исключено, что годами.

Есть и другая радостная для коммунистов весть — неконституционными признаны лишь организационные структуры двух коммунистических партий: райкомы, обкомы и так далее, а первичные территориальные организации (именно территориальные, а не производственные) имеют полное право на существование. Против этого решительно нечего возразить, думается, ни демократам, ни консерваторам, ни патриотам — идеологии запретить нельзя. Территориальных первичек в партии, принципиально организованной по производственному признаку, было раз-два и обчелся, и состоят там в основном пенсионеры и ветераны. Но сегодня ничто не мешает другим энтузиастам к ним присоединиться.

«Партию мы возродим», — бодро пожимали друг другу руки коммунисты после процесса. Что же, в добрый час!.. Будем надеяться, что на этот раз получится что-нибудь более пристойное.

В целом же приходится признать, что процесс века не удался. Публика потеряла к нему интерес после пары первых заседаний. Заканчивались слушания уже в пустом зале. Распутать клубок противоречивых доказа-

тельств, избежав многочисленных ловушек, оказалось не по плечу и судьям.

Чтобы не утонуть в исторических спекуляциях, доводах морального и политического, а не юридического характера, не запутаться в аргументах сторон, выводах и заключениях, суд попросту решил отсечь вторую тему — конституционность КПСС. Он, по сути дела, уклонился. Можно укорять судей за чрезмерную осторожность, но она представляется мудрой — это лучше, чем наделать ошибок, каждая из которых может обрести вес прецедента — ориентира в судебной практике.

Права граждан — членов КПСС защищены. Идеология не запрещена. Организационные структуры партии, в глазах многих являвшейся преступной, упразднены. Суд исполнил свой долг, но общество будет разочаровано.

От суда — правомерно или нет — ждали большего. Демократы ждали каких-то общих слов о губительности практики партийного тоталитаризма. Коммунисты — очевидно, апологетических сентенций.

Как бы ни старались судьи избежать политической окраски процесса, они не могут выпасть из нашей действительности. Одним из первых вопросов, волновавших прессу после оглашения вердикта, был вопрос о том, можно ли будет использовать результаты разбирательства для импичмента президенту. И ответ есть: для вынесения импичмента необходимо специальное заключение суда, а не отдельные решения по тому или иному делу.

Процесс века не удался, но хорошо, что была предпринята попытка — подобные вопросы никогда в нашем отечестве правовым путем не решались. И это великолепный прецедент. Прекрасно, что есть власть, уполномоченная контролировать юридическое творчество высшего должностного лица страны. В крайнем случае она даже может начать процедуру импичмента. Только жаль, что президент в этом случае оказывается более уязвим, чем другие ветви власти.

Вот, скажем, Руслан Хасбулатов, не только экономист, но и юрист, однако и сам спикер, и президиум Верховного Совета и Верховный Совет нередко нарушают своими распоряжениями, постановлениями Конституцию и для них ответственности не предусмотрено. Может быть, стоит выправить крен и дать Конституционному суду право распускать парламент, если он нарушает Конституцию?

Короче говоря, с большим или меньшим успехом суд делает свое дело — с огрехами, но подтягивает страну к идеалу правового государства.



Рисунок  
Марина  
Таурова

# Мимо тещино дома



Татьяна  
Иванова

Кто, как  
и по какому  
случаю  
шутит  
в России?

...Ну, принесла я справку. А мне говорят: «Не такая! Нужна гербовая печать». Простите, я тогда отвечаю, простите, а герб чтобы какой был? «Как это «какой»?!»

Иногда мне кажется, что страна смеется над нами. Почему справка с гербом страны, уже год как несуществующей, все еще нужна в ответственных ситуациях? Ведь это значит, что и Умалатова или Макашов (я не помню, кого они там, в Воронове, при свечах выбрали начальником Советского Союза) имеют право издавать указы и посылать, куда сочтут нужным, войска. Так выходит по моей логике. Моя логика не умеет приспособиться к тому, что флаг, гимн, президент у меня от одной страны, а герб, паспорт, деньги, справки — от другой. Вот, выдали гонорар. Чудесные монеты, середочка золотенькая, кайма серебряная, написано «20 рублей», только что со станка, блеском блестят. Написано: «Государственный банк СССР». Здравствуйтесь... В магазинах их хоть принимают? Или Валентину Павлову сдавать, в «Матросскую тишину»?

Насмешкам нет числа. Письмо пришло. Мало того, что из города Калининграда. Так еще и с улицы Чекистов. Уточняю: не из того Калининграда, который под Москвой, а из того, где могила Канта. Кёнигсберг он раньше назывался. Не знаю, какие узы связали его с добрым усатым дедушкой, всесоюзным старостой, который заседал в политбюро, уморившем такое страшное количество разноплеменного народу. Калининград близенько к Польше. Поляки, наверное, думают: ну и русские! Ладно, раньше они не знали, в чем Калинин у них участвовал. Но теперь-то, узнав, что же они хотят нам сказать? Или они над нами издеваются?

И что им ответить, полякам? Да, скифы мы? А еще что? Может быть, их утешит, что над собственными гражданами Россия издается еще изощреннее?

Ну, давайте же расскажем, давайте поведем всему миру, что у нас теперь такая стезя. У входа в спальню вождя мирового пролетариата почетный караул по-прежнему печатает шаг. Портреты самых крупных коммунистических палачей демонстранты носят по всей Москве, гордо вздымая их над буйными своими головами. А интеллигенция только пальчиками грозит из всех эфиров, со всех экранов — любому, кто вознамерится возмутиться: уважайте чувства инакомыслящих! Люди прожили жизни с именем Сталина! Не смейте их огорчать!

Седьмого ноября ведущая одной из телепрограмм чуть не плакала, говоря о нечуждости некоторых своих отдельных коллег к бедным сталинистам и верным ленинцам. Ну, какие, в самом деле, бывают ужасные люди! Не обращайтесь на них внимания, драгоценные наши сталинисты и верные ленинцы, празднуйте, поклоняйтесь своим святыням, мы, интеллигентные люди, — с вами.

Даже смеяться неохота. Потому что верные ленинцы и верные сталинцы ведь могут быть поделены на несколько групп. Одни из них сами были палачами, стукачами, тюремщиками, представителями многих других столь же нужных профессий в репрессивном государстве. В государстве, которое семьдесят лет истребляло, унижало, сиротило своих граждан. Руки у этих людей — самых интеллигентных прошу дальше не читать, им будет противно — по локоть в крови. Пусть они доживают. Но подбадривать их, ничуть не раскаявшихся, уже в голос кричащих, что да, сажали, да, стреляли, и правильно делали, и опять будем сажать и стрелять? Обращаться к этим отбросам человеческого общества со словами приветия? Числить их по разряду инакомыслящих?

Другая часть верных ленинцев и верных сталинцев в пролитой согражданами крови, в унижениях сограждан и в массовом сиротстве, скорее всего, не замешана. Только если косвенно. Среди них есть вме-

няемые — то есть способные адекватно реагировать на информацию. Вменяемые, узнав, в какой грязи извалялись, затихли и палаческих портретов над своими головами не вздымают. Думают горькую думу. Пусть Бог им поможет. Но есть невменяемые... Давайте же скажем всему миру, что у нас сейчас такая стезя, давайте сформулируем, что у нас происходит, и признаемся честно: российская интеллигенция озабочена душевным комфортом палачей и невменяемых.

Это, конечно, очень изысканная позиция, сверхтонченная, вполне достоевская. Только... Только кто же, Господи, кто же подумает о душевном состоянии жертв? Сколько пострадавших от ЧК живет на улице Чекистов? Кто испытывают люди, прошедшие ГУЛАГ, тюрьмы, ссылки, лубянские подвалы, когда они видят бодрых, упитанных, прекрасно одетых, наглых верных ленинцев и верных сталинцев и сотни портретов Ленина и Сталина и слышат коммунистические проклятия и заклинания в мегафоны на главных площадях, в эфире, на телеэкранах? Кто подумает об их чувствах?

И подумал ли кто из самых интеллигентных, что испытывают родители Комаря, Кричевского, Усова, когда видят оскверненные могилы своих дорогих мальчиков, а потом — двух воинов, не смеющих моргнуть, у мавзолея...

...Вскоре после 7 ноября пошутила «Вечерка». На первой странице опубликовала «Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза». Остроумно. «Член ЦК КПСС товарищ Ельцин восстановлен в должности первого секретаря Свердловского обкома КПСС... Ульянову М.А. в течение месяца восстановить светлый образ В.И.Ленина...»

Старушки-читательницы подкараулили меня при выходе из «Нового времени». Они поверили. Был мерзкий холод, снег с дождем, темнота, и я стояла с ними на Пушкинской, пока не поспела, внушая им, что это шутка, что страна на месте, что она называется Россия, что в Кремле нет никакого пленума, что там Ельцин, что прятаться нам не надо.

# Медовый год после развода

Ксения Мяло

**Н**ачиная с весны 1990 года Литва была не только индикатором скорости и глубины распада СССР, но также и одной из самых ярких «звезд» мировой политики. Сумрачный январь 1991 года поставил маленькую республику в самый центр мирового внимания, не говоря уже о стране, которая в ту пору еще звалась Советский Союз.

События в Прибалтике вдруг стали стремительно умаляться и удаляться от нас, словно бы мы смотрели на них в перевернутый бинокль. И то сказать: после ужасов гражданской войны в Таджикистане, после событий в Абхазии (и все это уже едва замечает общественное сознание) вильнюсский январь 1991 года отодвинулся для нас в прошлое.

Страница перевернута, и можно лишь подивиться, как быстро мы стали чужими друг другу.

## Возвращение прошлого?

Стремительно потеряла Москва свой былой пылкий интерес к Балтии, в

которой с пристрастием влюбленности видели Европу по эту сторону границы.

Ноябрь 1992 года вновь выдвинул Литву в фокус всеобщего внимания. Причиной — итоги выборов в сейм. Впервые в республике бывшего Союза (и вторично — в Восточной Европе; первым проигравшим стал Вацлав Гавел) они привели к поражению тот политический блок, который стал символом движения за независимость, символом «посткоммунистической» национальной жизни. Уже не раз продемонстрированная Литвой способ-

**После победы партии Бразаускаса перемены курса не будет**



Бразаускас и Горбачев: они не были ни союзниками, ни единомышленниками



Российская армия уходит из Литвы, но стратегические интересы России в Прибалтике сохраняются

ность играть роль лакмусовой бумаги назревающих общезначимых политических процессов побудила комментаторов выступить с массой прогнозов о возможной «цепной реакции», в ходе которой могут сойти со сцены целая волна политиков, в том числе и в России.

К тому же и сама личность лидера победившего блока — Демократической партии труда Литвы — Альгидараса Бразаускаса, которого, кажется, еще вчера в качестве секретаря ЦК КПЛ видели бок о бок с генсеком ЦК КПСС Горбачевым, придала выборам оттенок возвращения прошлого.

Для завязанных «демократов» здесь был повод снова заговорить о «реваншистской коммунистической угрозе», для «союзников» же, не потерявших надежды на скорое восстановление СССР, проблеск надежды: «Вот видите, они начинают понимать, не все потепленно...»

Похоже, не сразу выработал адекватную реакцию и ошеломленный поражением «Саюдис». Дни накануне второго тура были насыщены самыми тревожными слухами, ожиданиями жестких действий со стороны правящего блока, к тому же сохранившего свои традиционные позиции в Каунасе.

Все, однако, обошлось спокойно, и не исключено, что здесь имел место психологический зондаж, а может быть, и попытка косвенного давления на избирателей, приглашение им перед угрозой гражданской войны изменить свою позицию. Но второй тур сделал победу Демократической партии труда Литвы еще более убедительной, и вместо ожидаемой конфронтации последовала продолжительная встреча Ландсбергиса и Бразаускаса.

## В поисках комфорта в независимости

Самым знаменательным итогом встречи следует считать заявление Бразаускаса о том, что поворот литовской политики на Восток невозможен и что речь может идти лишь о балансе между Западом и Востоком. Однако, не довольствуясь этим, опытный шахматист Ландсбергис сделал еще один ход: визит в Брюссель, «гвоздем» которого стали переговоры в штаб-квартире НАТО с педалированием темы «имперской угрозы» со стороны России и соответственно просьбой о гарантиях со стороны НАТО. Просьбой, сочувственно встреченной Манфредом Вернером.

Несомненно, смысл этого хода — заручиться возможной поддержкой Запада на случай чрезвычайного с точки зрения «Саюдиса» дрейфа экс-лидера литовских коммунистов на Восток.

Однако насколько реален такой дрейф? И насколько обоснованы надежды «союзников», оценивающих итоги выборов в Литве как знак прозрения широких народных масс и указание на возможность нового, квазисоюзного сближения Литвы и России? Надежды, на мой взгляд, совершенно утопичны.

Достаточно провести всего несколько дней в Литве, чтобы понять: причины победы ДПТЛ не имеют к этой ностальгии никакого отношения. Они грубы и прозаичны, ибо достижения «Саюдиса» в политико-идеологическом оформлении независимости оказались обратно пропорциональными его социально-экономическим успехам. И если еще вчера для литовского общества знаками отделения от России были выбрасываемый из могилы прах Черняховского и задвигаемый куда-то на задворки памятник Пушкину, то сегодня символу сменяет суровая реальность: еле отапливаемые помещения, отсутствие горячей воды, побивающий даже московские рекорды галоп инфляции, стремительный развал промышленности.

В этих условиях победа оппозиции была предопределена, и не в последнюю очередь потому, что с именем и образом Бразаускаса ассоциируется прежний уровень жизни. Именно успехи «Саюдиса» в достижении независимости и сработали сейчас против него: это представляется уже окончательно завоеванным, речь может идти только о более приятном и удобном устройстве независимой жизни.

Однако здесь-то и находится нерв проблемы, от решения которой будет зависеть дальнейшее развитие политической ситуации в Литве — и не только в Литве. И, думается, уже сегодня лучше расставить все точки над «i», со всей определенностью сказав: вряд ли Литве можно рассчитывать на то, что республика получила когда-то за счет перераспределения центрального бюджета, бросовых цен на энергоносители, включенности в хозяйственные связи всей союзной мегасистемы. Дело не в какой-нибудь «блокаде» и тому подобном. Просто-напросто распад СССР, в ускорении которого сыграла выдающуюся роль Литва, естественно, обернулся распадом не только прежних идеологических и властных структур, но и всей системы

взаимного жизнеобеспечения народов.

## Посмотрим на карту

Возникла новая реальность, в которой отсутствие горячей воды в Вильнюсе вовсе не есть причина для головной боли у Москвы. И более того, в Москве начинает брезжить сознание, что и сам выдвинутый Бразаускасом тезис о «взаимовыгодных отношениях» Литвы и России нуждается в тщательной, очищенной от всякой идеологии проработке именно под углом зрения интересов и «выгод» России.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, в чем состоят жизненные интересы России, исходя из которых можно было бы с вниманием отнестись и к интересам Литвы.

Пока в Литве не перестанут шарахаться от самого словосочетания «интересы России в балтийском регионе», о взаимных выгодах вряд ли уместно говорить. Ибо если они есть здесь у США и НАТО, если все более настойчиво напоминает о себе Польша, то почему бы не иметь их исторически столь тесно связанной с Балтикой России? Интересы очевидны: порты, коммуникации, национальная безопасность. И надо не игнорировать их, а искать правовые и действительно взаимовыгодные формы их реализации.

Наконец, последнее по месту, но не по значению — положение русских и русскоязычных граждан бывшей Литовской ССР. Бесспорно, оно не является здесь столь острым, как в Латвии и Эстонии, однако проблемы есть. И, думается, Россия должна иметь нормальные возможности участвовать в их решении, не подпадая под шквал обвинений в «имперском шовинизме».

Короче, предстоят обоюдное освобождение от иллюзий и тяжелый путь к построению новых, основанных на строгом учете взаимных интересов отношений. Вполне вероятно, что в недалеком будущем Литву, где политики не чужаются тезиса о «торговле национальной независимостью», ждут внутренние потрясения. И что правительство Бразаускаса изначально будет стеснено в своих возможностях реального учета реальных интересов России. А это значит, что и России не следует спешить, и уж, во всяком случае, приоритет собственных интересов должен быть безусловным для нее самой. Сухое? Да, наверное. Но зато честнее, а стало быть, и надежнее для обеих сторон.

# Депутаты договорились. Дело за полевыми командирами

Аркадий Дубнов,  
специальный корреспондент  
«Нового времени»

**М**ожно по-разному оценивать результаты XVI сессии Верховного Совета Таджикистана, состоявшейся в центре Ленинабадской области — Худжанде. Несомненно одно, она положила конец политической неопределенности, связанной с вынужденным отстранением от власти в сентябре этого года президента Рахмона Набиева. Сессия признала незаконной отставку президента, вырванную у него силой «молодежью города Душанбе», и почти единодушно одобрила новое заявление Набиева об отставке, написанное им тут же, на сессии.

Этот день стал одновременно и политическим дебютом избранного накануне нового спикера таджикского парламента Эмомали Рахмонова. Малоизвестный даже депутатам, 40-летний председатель Кулябского облисполкома, пробывший на этой должности не более 20 дней после гибели своего предшественника Резоева, расстрелянного лидером кулябских боевиков Сангаком Сафаровым, Эмомали Рахмонов показал себя жестким и искусным политиком.

## Президента проводили аплодисментами

...Глухим молчанием встретили депутаты

**Власть в  
республике  
взяли сильные  
люди. За  
спиной  
спикера  
парламента —  
винтовки. За  
спиной  
премьера —  
дедушкин  
капитал**

появление Набиева в зале. Еще почти полтора часа они томились, ожидая его появления на трибуне, пока Рахмонов с Набиевым уединились в комнате за сценой. Что там происходило — пока не знает никто. Однако ясно было: для того чтобы написать новое заявление об отставке, требуется гораздо меньше времени. Напряжение нарастало...

Один из депутатов предложил своей коллеге, Валентине Абдусаматовой, известной резкостью своих выступлений, отчего многие ее побаиваются, зайти в комнату и поторопить Набиева — ведь это она была инициатором его приглашения на сессию и возглавила группу депутатов, за ним выезжавшую...

«Снимай штаны и надень мою юбку!» — раздалось в ответ. Депутат отошел. Зал продолжал ждать.

Я подошел к сидящему в дальнем конце залу Довлату Худоназарову, лидеру демократической оппозиции и бывшему сопернику Рахмона Набиева в борьбе за президентский пост. Не обладающий депутатским мандатом, он присутствовал на сессии в качестве гостя.

— Как вы отнеслись к избранию Рахмонова председателем Верховного Совета? — спросил я его.

— Пока положительно. Его вчерашнее выступление свидетельствует: он готов искать компромиссы.

— Как, по-вашему, отнесутся лидеры вооруженных формирований в Душанбе, поддерживающие бывшую оппозицию и бывшее руководство, к приходу к власти в



Арбобский Дворец культуры, где заседал таджикский парламент, тщательно охранялся подразделениями спецназа



Улицы Худжанда дышат миром, война идет

парламенте деятеля, являющегося, по общему убеждению, ставленником «сильного человека из Куляба» Сангака Сафарова?

— Безусловно, плохо. Для них это означает одно: власть снова в руках их противников. В то время как предыдущий спикер не представлял ни одну из враждующих сторон...

К Худоназарову подошел один из его друзей и, волнуясь, стал что-то говорить на таджикском языке. По-русски звучало только два слова: «сто процентов».

— Извините, если не секрет, что он говорит? — попросил я переводчицу.

— А то, что сейчас выйдет Набиев и скажет, мол, в отставку он подавать не собирается, и все эти депутаты, посмотрите на них, снова вернуть его в президенты — сто процентов!.. Вы же сами видите, это дикий и темный парламент, что ему предложат, за то он и проголосует. Ведь здесь большинство кулябцев и ленинабадцев, поддерживающих Сафарова, а тот, в свою очередь, человек Набиева...

— А вы разделяете распространенное сейчас в Таджикистане мнение, что президентская форма правления здесь неуместна? — продолжал я спрашивать бывшего кандидата в президенты.

— Ничего подобного! Так говорят те, кто не видел настоящего президента, у них же его еще не было...



Новый спикер парламента кулябец Эмомали Рахмонов еще месяц назад был директором совхоза

В этот момент наконец появились Рахмон Набиев и Эмомали Рахмонов. Последний, соблюдая подобающий в таком случае пышный восточный этикет, представил первое слово Набиеву.

Более чем часовая речь Набиева свелась к очень эмоциональному, но довольно бессвязному изложению событий, сопровождавших его президентство. Там было всё: люди, даты, города, митинги, танки и партии. Словно на машине времени, Набиев путешествовал,

устремляясь на недели вперед, тут же возвращаясь на месяцы назад. Внезапно переходил с таджикского на русский. Волновался. Снова переходил на таджикский. Присутствующим должно было стать понятным: президент хотел как лучше, но все ему мешали и, более того, многие предавали. В доказательство этого он обводил глазами зал и, указывая пальцем, говорил: «Такой-то здесь, пусть подтвердит...»

О своих ошибках или, упаси боже, о вине Набиев не говорил. Если у него и был шанс найти поддержку у части депутатов, то он был потерян. Президенту не задали ни одного вопроса, и после корректного, но твердого выступления спикера Набиев огласил новое заявление об отставке, которое было тут же принято. Церемония передачи власти сопровождалась дружескими объятиями, после чего оба руководителя, бывший и нынешний, снова уселись за стол. Возникла неловкая пауза, затем короткий обмен репликами между Рахмоновым и Набиевым, в результате чего экс-президент покинул зал. Теперь провожали его аплодисментами...

### Против кого «таджикский Робин Гуд»?

Война разделила Таджикистан на два вооруженных лагеря, каждому из которых сочувствуют, либо помогают, либо поставляют боевиков вполне определенные регионы республики. С одной стороны, это кулябские формирования во главе с Сангаком Сафаровым, которого поддерживают жители Гиссарской долины, узбекские и другие национальные меньшинства. Симпатии Ленинабада — также на стороне кулябцев. Сегодня эти силы объединены в Народный фронт Таджикистана, основной лозунг которого: борьба с исламским фундаментализмом. Часто говорят также о просоветских, прокоммунистических симпатиях Сафарова...

С другой стороны — силы исламской и демократической оппозиции,

сторонники Исламской партии возрождения, национального движения «Растохез», Демократической партии Таджикистана. Они пользуются поддержкой жителей Гармской долины (куда можно отнестись и Душанбе), Горного Бадахшана (Памира), отдельных районов Курган-Тюбинской области. Здесь ориентируются на таких руководителей, как духовный лидер мусульман Таджикистана казикалон Тураджонзода, известный кинорежиссер и политик Довлат Худоназаров...

«Усиление» кулябца Рахмонова на посту спикера настолько же плохо для одних, насколько хорошо для других. Последних в нынешнем составе парламента — большинство. Оно представлено, условно говоря, бывшими сторонниками Набиева, или, как они себя называют, сторонниками законной власти, которую олицетворял до 20 ноября теперь уже экс-президент.

На сессии в Худжанде депутаты большинством в 141 голос при 54 «против» проголосовали за отзыв Акбаршо Искандарова с поста председателя Верховного Совета, что следует считать весьма точным отражением расклада сил в нынешнем парламенте между ленинабадо-кулябской и гармско-памирской, или душанбинской, группировками.

На пост спикера Искандаров был избран после бурных майских событий этого года в Душанбе, когда был смещен с этого поста Сафарали Кенджаев, немало в свое время сделавший для избрания Набиева президентом. Искандаров, бывший тогда председателем облисполкома Горно-Бадахшанской автономной области, одинаково не устраивал как сторонников Набиева, так и их оппонентов — исламскую и демократическую оппозицию. И именно по этой причине его фигура в тот момент устраивала и ту и другую стороны. Набиеву такой компромисс дал возможность удержаться у власти, а оппозиции — продемонстрировать свою силу.

К сожалению, этот компромисс оказался последним, ни те, ни другие не смогли либо не захотели им воспользоваться, чтобы остановить сползание республики к гражданской войне.

Рахмон Набиев, от которого ожидали усилий по консолидации государства и наций, его населяющих, пошел по пути усиления режима личной власти, сформировал и вооружил «президентский батальон» во главе с лично ему преданным Сангаком Сафаровым. Уголовное прошлое последнего не смутило президента...

Оппозиция, в свою очередь, пыталась укрепить свое влияние во властных структурах. Средствами при этом не гнушались: вооруженный шантаж, угрозы, наконец, — акция по насильственному отстранению от власти президента. Акция, не ставшая законной ни от то-



на юге, за перевалом

го, что президент к этому моменту стремительно терял свою поддержку среди населения, ни от того, что была осуществлена криминальными элементами, принявшими самоназвание «молодежь города Душанбе»...

А между тем еще в июле возможен был мирный «развод» между сторонами. Достаточно сказать, что влиятельный лидер исламской оппозиции казикалон Ходжа Акбар Тураджонзода принимал в своем доме в Душанбе



Экс-президент Рахмон Набиев высказывал в зале своих «обидчиков»

...Сангака Сафарова. Сегодня в это трудно поверить, встречались непримиримые враги, но так было...

Так или иначе баланс сил между сторонами в результате «отставки» Набиева 7 сентября и формирования «коалиционного» правительства во главе с Абдумаликом Абдуллоджановым, куда вошли представители оппозиции (с этого момента вошел в оборот термин «бывшая оппозиция»), сместился в ее пользу. Назначение спикера Искандарова, выходя из Памира, на должность исполняющего обязанности президента обусловило альянс между бывшей оппозицией и памирцами.

Сангак Сафаров ответил на это вооруженным взятием 27 сентября Курган-Тюбе. На юге Таджикистана началась гражданская война.

К середине октября режим Искандарова, пользовавшегося поддержкой бывшей оппозиции, пришедшей фактически к власти в Душанбе, обнаружил, что его — режима — нелегитимность оказалась блестяще использованной Сафаровым. Его имидж «борца за справедливость», «таджикского Робин Гуда», только укрепился от того, что он выступал в защиту «законно избранного и незаконно свергнутого» президента. Этому способствовали и военные успехи. Над Душанбе чем дальше, тем больше нависала угроза блокады. И если раньше бывшая оппозиция требовала от России вывести свою 201-ю дивизию из республики, то теперь, в октябре, такие требования могли оказаться самоубийственными...

## Российский комдив спасает Душанбе

Нелегитимность «вышла боком» искандаровскому режиму и тогда, когда он обратился в Бишкеке на встрече глав государств СНГ с просьбой о вводе миротворческих сил в Таджикистан. Попытка руководства Кыргызстана, получившего от СНГ мандат на ввод кыргызского миротворческого батальона, наткнулась на «вето» своего же парламента: Душанбе не смог предоста-

вить доказательств готовности обеих противоборствующих сторон к перемирию, а в таких условиях ввод войск мог означать поддержку одной из сторон или вмешательство во внутренние дела суверенного государства...

Выйти из тупика нелегитимности можно было только одним способом — созвать сессию парламента. Но в Душанбе не могли не понимать: в создавшихся условиях собравшаяся сессия представляет реальную угрозу

существующему режиму, а значит, удобно продолжать ссылаться на невозможность собрать депутатов в Душанбе. Что само по себе — истинная правда.

Неизвестно, сколько бы длилась подобная — «ни два ни полтора» — ситуация. Если не изнутри — мирным, то снаружи — только силовым способом могла она разрешиться.

Если бы боевики Народного фронта Таджикистана во главе с Сафарали Кенджаевым и Рустамом Абдурахимовым не предприняли попытку 24 октября взять под свой контроль Душанбе, то 29 октября, по словам Сафарова, это сделал бы он сам.

Кенджаев сегодня утверждает, что он это сделал, чтобы заставить Искандарова выполнить свое обещание созвать сессию парламента, была договоренность сделать это 26 октября, но «Искандаров обманул»... При штурме Душанбе погибли десятки людей, мирных жителей и боевиков, в основном совсем необученных и молодых. Только благодаря вмешательству 201-й российской дивизии под командованием генерала Ашурова в Душанбе удалось остановить дальнейшее кровопролитие и восстановить статус-кво, а уцелевшие боевики во главе с Кенджаевым были выведены из города.

...Так хорошо или плохо, что во главе Верховного Совета Таджикистана сегодня оказался человек, представляющий одну из противоборствующих сторон? Добавим, сторону, за которой большинство в парламенте и превосходящая в военном отношении сила.

Возможный ответ такой: «сильный человек» у власти всегда предпочтительнее «слабого». Результаты деятельности Рахмона Набиева и Акбаршо Искандарова — свидетельство этому. Другое дело, как будет употреблена эта сила. Если на то, чтобы окончательно подавить сопротивление «слабой» стороны и расправиться с ней, а это значит поставить под угрозу жизни десятков и сотен тысяч людей, тогда следует признать — на сессии в Худжанде

совершена трагическая ошибка...

Если же эта «сила» окажется ответственной и именно благодаря ее влиянию и необходимости считаться с ней начнется процесс переговоров, ведущих к реальным компромиссам, прекращение гражданской войны в Таджикистане может стать реальностью.

Первые шаги Рахмонова свидетельствуют: в его действиях присутствует здравый смысл и отсутствует логика конфронтации.

## Где скрывался казикалон

По предложению Рахмонова на должности заместителей председателя Верховного Совета были избраны Козидават Коимодов, депутат из Памира, и Хожаммад Хидралиев, таджикский узбек из Турсунзаде. В Таджикистане традиционно придают очень большое значение происхождению людей, принадлежащих к высшей государственной элите. С этого обычно начинают в разговорах, когда хотят охарактеризовать того или иного деятеля. Поэтому чрезвычайно важно, что заместителями спикера стали представители памирской группировки, состоящей в конфронтации с кулябской, к которой принадлежит сам Рахмонов, и представитель узбекского меньшинства, что будет способствовать его лояльности к новой власти.

По предложению того же Рахмонова вновь назначен на пост премьер-министра Абдумалик Абдуллоджанов, возглавлявший предыдущее правительство. 43-летний премьер, всю жизнь проработавший в хлебной промышленности и бывший в последние годы министром хлебопродуктов, а затем президентом государственной акционерной компании «Нон», имеет в респуб-



Депутаты говорят, что среди них много

лике немало противников. Возможно потому, что имеет сильные рычаги влияния в экономике. Выходца из Ленинабада, его считают одним из самых богатых людей в Таджикистане. В разговоре со мной Абдуллоджанов уточнил: «Богатый, но не самый...» Он не опроверг слухи о полученном им большом наследстве из Саудовской Аравии. Его дед, эмигрировавший туда после большевистской революции, был до этого управляющим Ходжентским уездом. В Саудовской Аравии он стал советником короля... Абдуллоджанов собирается перевести «дедушкин капитал» в Таджикистан.

Именно благодаря тандему «сильных людей» Рахмонов — Абдуллоджанов удалось договориться о встрече в Худжанде 24 основных полковых командиров от обеих противоборствующих сторон.

Реакция некоторых представителей оппозиций на результаты работы сессии требует отдельного разговора. Если Довлат Худоназаров выжидательно осторожен в своих оценках (что вполне естественно), то выступление внезапно обнаружившего себя в Душанбе казикалона по таджикскому телевидению многих взбудоражило. Он объяснил свое отсутствие на сессии неизбежными, по его мнению, репрессиями против неугодных депутатов, их арестом, а саму сессию обвинил в том, что она принимает решения под вооруженным давлением. Душанбинское телевидение, находящееся под контролем бывшей оппозиции, транслирует выступления лидеров боевиков, не довольных происходящим в Худжанде и предупреждающих о своей готовности «в случае необходимости очистить в течение четырех часов всю Гиссарскую долину». Других оценок, предполагающих возможность компро-

мисса, по телевидению из Душанбе слышать не приходилось...

Об отсутствии казикалона в республике в течение последних недель ходят разные слухи. На самом высоком уровне бывшего руководства таджикского парламента мне ответственно заявили, что до своего возвращения в Душанбе 18 ноября он находился в иранском посольстве в Москве. Согласно московским источникам это было возможно, но вероятнее всего через Москву и Баку он мог оказаться в Тегеране: в Баку совершает рейсы иранская авиакомпания, а российских пограничников там уже нет.

Так или иначе влияния Ирана на исламскую оппозицию в Таджикистане никто не отрицает. По сведениям из компетентных источников в российском МИД, ссылающихся на данные разведки, многодневное «стояние» митинга исламистов на площади Шахидон в Душанбе обошлось Ирану от 3 до 10 миллионов долларов. Официальные власти Ирана это отрицают, и им нет оснований не верить. Однако существуют мощные и влиятельные группировки, не контролируемые правительством и заинтересованные в распространении своего влияния. Например, корпус «стражей исламской революции»...

## Судьба 201-й дивизии

После попытки переворота, предпринятой Кенджаевым, в Душанбе прекратились разговоры о дестабилизирующей роли 201-й дивизии, расквартированной в Таджикистане. Взяв под свой контроль основные стратегические центры в Душанбе, она фактически спасла правящий режим и предотвратила массовую резню в столице. Но по-прежнему не прекращаются попытки втянуть российских военных в региональную междоусобицу, совершаются нападения на солдат и офицеров.

... Если говорить о том, что в первую очередь составляет сегодня «головную боль» для России в Таджикистане, так это, очевидно, судьба 201-й дивизии и русскоязычного населения. Обе проблемы взаимосвязаны друг с другом. Вывести дивизию с ее развитой инфраструктурой быстро невозможно. В этом убедились эксперты министерства обороны России. Нет возможности и обустроить в России офицеров, вспомним трудности с выводом армии из стран Прибалтики... Кроме того, хорошо или плохо это получается, военные остаются гарантом



Премьер-министр Абдумалик Абдуллоджанов, по его словам, вовсе «не самый богатый человек» в Таджикистане, а полученный им в наследство «дедушкин капитал» собирается перевести на родину

безопасности русскоязычного населения в Таджикистане.

Хотя несколько защищено это население, лучше всего может рассказать российский посол в Душанбе Мечислав Сенкевич... Уже которую неделю он не может организовать безопасную эвакуацию 1300 русскоязычных беженцев из Курган-Тюбе. Дороги блокированы, обстреливаются, о грабежах уж никто и не говорит... Ни одна из противоборствующих группировок на себя ответственность не берет.

Реакция государств СНГ на просьбу таджикского парламента о вводе миротворческих сил во многом будет определяться позицией Узбекистана, поскольку нестабильность в Таджикистане сильно влияет на ситуацию в этой республике. Не надо забывать, что в Таджикистане проживают около миллиона узбеков, а в Узбекистане — еще больше таджиков... По-видимому, в Ташкенте будут внимательно следить за расстановкой сил в новом таджикском руководстве и его первыми шагами.

На сессии в Худжанде постоянно присутствует первый заместитель министра иностранных дел Узбекистана Шахобиддин Зиямов.

Решения, принятые в Ташкенте, скорее всего, повлияют на отношение к миротворческим усилиям Казахстана и Кыргызстана. Первый отделен от Таджикистана «буфером» соседних республик, а у второго уже есть неудачный опыт самостоятельной попытки стать миротворцем...

\*\*\*

Удивительное дело — находясь в Худжанде, трудно себе представить, что в этой стране идет война. Ходит транспорт, работают базары и магазины, на улицах днем свадебные кортежи, а вечером — освещение... «Мы бы этого не пережили», — ответили мне на вопрос: «Не боитесь ли, что война из-за перевала придет и сюда?» И тем не менее уезжают и из Худжанды русские — ежедневно оформляется более 100 грузовых контейнеров. Уехали немцы, практически большинство евреев...

Приземлившись в Домодедово, невольно подслушал обрывок разговора. «Ну что там, в Ленинабаде, слышно?» — спрашивает средних лет таджик у кого-то из прилетевших. «Да ничего, пока, слава богу, тихо...» — «Нет, я не могу ждать, пока и там начнется, еду забирать оттуда мать», — нервно бросила женщина.

ХУДЖАНД-МОСКВА

Фото автора



«Теневых командиров»...

# Империя или великая держава?

**Алексей Арбатов,**

доктор исторических наук,  
директор Центра геополитических  
и военных прогнозов

**И**з чего рождается внешняя политика России и вообще любого государства? Если говорить коротко — из взаимодействия того, что составляет его природу с окружающим миром, и прежде всего с внешней политикой других государств. Природа государства — это его география, экономическое положение, социально-политическое устройство, психологические черты народа и так далее.

Все это азбучные истины, но их нередко забывают, пытаясь с маху, по наитию определить внешнеполитические интересы России. И исходят при этом то из прекрасного идеализма (защита прав человека во всем мире), то из ущемленного имперского самолюбия (возрождение великодержавия на страх врагам). Нередко путают цели со средствами (вступить в союз с Западом) или руководствуются заученной со школы географической проекцией (служить мостом между Европой и Азией).

**Что должно  
ставиться во  
главу угла при  
определении  
внешних  
интересов  
России**

Статья первая



Все меньше ядерных ракет нацелено на натовские объекты...

Для того чтобы в море идеологических, экономических, военно-стратегических и иных точек отсчета найти для российской политики хоть мало-мальски осязаемый отправной пункт, обратимся к недавнему прошлому: внешнеполитическому курсу СССР. Каковы были приоритеты его политики до середины 80-х годов, только не официально благостные, а реально определявшие практику?

**Никто ангелом не был**

Главными практическими приоритетами до 1985 года, как они сложились с конца 60-х, были борьба с США и Западом за расширение сфер влияния в «третьем мире», а также линия на геополитическое окружение Китая в Азии. Подчиненными целями являлись: расшатывание единства НАТО; удержание советского господства в Варшавском Договоре; поддержка региональных противников Китая; приобретение все новых «друзей» и военных баз на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке; стремление не отстать, а по возможности опередить США в гонке стратегических вооружений.

Страх перед ядерной войной и заинтересованность в кредитах и торговле с Западом диктовали при этом соблюдение определенных рамок соперничества и обеспечение некоторого уровня стабильности. Отсюда переговоры об ограничении вооружений, меры доверия, бесчисленные мирные инициативы, дипломатическое маневрирование по региональным конфликтам.

Неправильно сейчас, задним числом, представлять советскую внешнюю политику как безгранично экспансионистскую, агрессивную и одержимую коммунистическим мессианством. Была в Москве подспудная борьба разных группировок и точек зрения, иногда в большую политику пробивали себе путь конструктивные идеи и разумные шаги. Наши внешние соперники тоже были далеко не ангелы, они вели жесткую си-

ловую игру, зачастую не смущаясь в выборе средств, а советские акции во многих случаях носили реактивный, оборонительный характер.

Нельзя преувеличивать и идеологическую заряженность политики Москвы. Кремлевские должностные лица периода «позднего упадка советской империи» имели мало общего с пламенными большевиками начала XX века. Их внешняя политика лишь прикрывалась канонической фразеологией, а на деле, за редким исключением, была прагматической тактикой имперского проникновения в международные «щели» и постепенного наращивания там политического и военного присутствия. Никакого «генерального плана» завоевания мирового господства, конечно, не было. В соответствии с общей природой загнивающей бюрократической системы внешняя политика была вполне инерционной, крайне неэффективной и затратной, построенной сплошь и рядом на просчетах, самообмане и циничном очковитстве, движимом ведомственными интересами.

В то же время идеологические пристрастия все-таки окрашивали советскую политику, но то были отнюдь не возвышенные концепции марксизма-ленинизма. Речь идет о естественных нравственно-политических предрассудках советской номенклатуры — по существу добуржуазного служивого сословия. Ему были глубоко чужды понятия демократии, прав человека, наций и вообще международного права, которому надо следовать, даже если это не соответствует сиюминутным интересам, если не принуждают превосходящей силой или если обман могут не заметить. Отсюда склонность к союзу с самыми кровавыми диктатурами в «третьем мире», к силовым методам политики, готовность к беспардонной лжи и лицемерию на самом высоком официальном уровне.

Споры нет, наши западные оппоненты тоже были далеко не без греха. Но там неблагоприятные шаги совершались в нарушение принятых норм, и если открывались, то вклины за собой скандал, отставки, а иногда и судебное наказание виновных (вспомним хотя бы Сонгми или дело «Иран-контрас»). В СССР такое было немислимо. Истинная идеологическая окраска внешней политики состояла в том, что произвол и насилие вовне органически проистекали из норм внутренней жизни общества, системообразующих свойств тоталитарного государства.

Не играя решающей роли во внешней политике, коммунистические догматы были необходимы внутри для цементирования крепости гарнизонного государства, которое только и могло существовать в состоянии перманентной конфронтации с окружающим миром и подавляя другие народы прямой или через марионеточные местные диктатуры. В этом заключалась главная причина недолговечности и хрупкости «раз-



...но борьба между Россией и Украиной за остающиеся ракеты вызывает немалую тревогу у Запада

Фото и рисунок из газеты «Гардиан» (Великобритания)

рядок напряженности» в конце 50-х, середине 60-х и начале 70-х годов и в этом был залог заведомо проигрышной игры сторонников разрядки в Москве. Безусловно, каждый раз и Запад вносил весомый вклад в обострение отношений, но он был опять-таки обусловлен конкретными внешнеполитическими решениями, тогда как наши возвраты к конфронтации имели глубоко системный характер.

К середине 80-х годов СССР был в «зените славы», о которой ныне тоскуют и коммунисты, и державники. Он стоял на первом месте в мире по численности вооруженных сил и основным видам вооружений (за исключением тяжелых бомбардировщиков и авианосцев), по количеству баз и войск за рубежом. Союз превосходил по ежегодному производству оружия всех видов (кроме крупных кораблей) 16 государств НАТО, вместе взятых, и оказывал щедрую военную помощь тридцати развивающимся странам. Его эскадры бороздили все океаны, войска были развернуты в готовности к ближнему в Европе и на Дальнем Востоке, одновременно ведя войну в Афганистане. Нас ненавидели и боялись весь цивилизованный мир, но любили верные друзья в лице Каддафи, Кастро и Ким Ир Сена. При этом СССР в 4–5 раз уступал Западу по валовому национальному продукту, а по детской смертности, обеспеченности населения жильем, товарами, медикаментами, по продолжительности жизни, состоянию экологии быстро опускался вниз по списку не только развитых, но и развивающихся стран.

Сейчас широко распространен трюизм, что мы проиграли «холодную войну». На самом деле мы могли бы ее продолжать еще долго — пусть с полной беспросветностью впереди, с трещащей по швам экономикой, при переходе на карточную систему и в условиях предельного закручивания гаек внутри. Нет, на пороге 90-х годов СССР проиграл как раз ослабление напряженности, первые реальные меры разоружения и робкий

плюрализм мнений по внутренним и внешним вопросам. Крепость быстро и неудержимо развалилась, как только осада (или мания осады) была снята.

## И еще кое-что за Уралом

Отталкиваясь от описанной выше диалектики внутреннего устройства государства и его внешней политики, рассмотрим теперь международные интересы России постольку, поскольку они определяются глубокими переменами последних лет. При всем их многообразии четыре главные реальности составляют систему координат политики Москвы как минимум на 90-е годы.

Первая состоит в том, что советская империя распалась, потеряв ближние и дальние форпосты, колонии и полуколонии и начав дробиться даже в своем российском ядре. Она последовала в этом за многими предшествовавшими империями, еще раз продемонстрировав, что «нет ничего нового под солнцем» и претензии на национальную или социально-идеологическую исключительность идиотичны и исторически обречены.

Российская Федерация составляет около 60 процентов от населения и экономического потенциала бывшего СССР и занимает 76 процентов его территории, ее нынешние границы на большой протяженности чисто условны, и ей еще только предстоит обрести атрибуты государственности в нынешних физических параметрах.

Но Россия не только сжалась в своих геополитических параметрах — она оказалась в принципиально новом окружении с запада и с юга, где расположены бывшие советские республики, глубоко пораженные внутренней нестабильностью, крайне восприимчивые к влиянию извне, конфликтующие друг с другом и с бывшей метрополией. Парадокс в том, что формально эти страны для России — за границей. Но фактически они остаются неразрывно связаны с нею как взаимными историческими

обидами, так и множеством живых экономических, военно-стратегических, этнических, культурных и социально-психологических уз.

Второй момент в том, что Россия переживает глубочайший экономический и социально-политический кризис, все еще далекий от разрешения. И в то же время как в силу своих объективных масштабов, так и по доставшемуся ей от СССР политическому, стратегическому и психологическому наследию Россия остается одной из ведущих держав мира. А по ряду военных параметров — и сейчас, и после раздела вооруженных сил с другими республиками, и даже в итоге сокращения ядерных и обычных вооружений по договорам с США и НАТО — Россия все равно сохраняет, если пожелает, первенство в Европе, Азии и во всем мире. Правда, если в 1988 году один СССР превосходил все вместе взятые страны НАТО в Европе по вооружениям сухопутных войск и ВВС в соотношении 2:1, то после 1995 года для РФ это соотношение изменится на 1:2,5. И все равно у России будет, например, в полтора раза больше танков (6400) и вчетверо больше самолетов (3500), чем у Германии или США, а еще за Уралом имеется более 20 тысяч танков и 2000 самолетов.

Найти свое новое место на международной арене Москве весьма непросто. Возродить или придумать новые экспансионистские интересы под свои объективные масштабы (пусть на 60 процентов от бывшего СССР) не позволяют экономическое положение, внешняя зависимость и настроения в стране, всецело сконцентрированные на внутренних проблемах. Раствориться в западной политике тоже невозможно, Россия слишком велика для этого, и ее внутренняя, геополитическая и национально-историческая специфика слишком рельефно выражена.

В признании этого нет ничего общего с самолюбованием под бредни о нашем особом пути или особой миссии — российская «особость» ничуть не глубже, чем американская, немецкая или японская. Просто политически и функционально переложить на Запад заботы как о российском экономическом развитии, так и об определении ее внешнеполитического курса невозможно. Никто не в состоянии решить эти задачи за такую огромную страну, как Россия.

Третий фактор в том, что носитель новых национальных интересов РФ еще не сложился. Раньше все было ясно, от лица интересов СССР, а заодно и «чаяний» всего прогрессивного человечества, интересов мира и социализма» самозванно выступала партийно-государственная номенклатура. Сейчас в России уже не командно-распределительная милитаризованная экономика, но еще и не рыночная. Унитарное государство рухнуло, но оптимального баланса между центральной и местными властями не найдено.

В социально-политическом плане

у нас уже не диктатура, но еще далеко и не демократия. Независимо от благих пожеланий нескольких высших руководителей государственную политику реально делает (или не делает) та же номенклатура, вторые и третьи эшелоны которой поднялись на место первого. Но оперировать ей приходится в изменившихся условиях в стране и вокруг, есть свобода прессы, наметилось разделение властей, зачастую более похожее на политико-правовой клинч. Появилась зависимость руководства от импульсов настроения народа, но нет упорядоченной обратной связи государства и общества. А келейность принятия решений и рамки гласности по внешней и военной политике сплошь и рядом еще жестче, чем до августа 1991 года.

Наконец, четвертый аспект связан с переменами в окружающем мире. Биполярность времен «холодной войны» с распадом одного из полюсов меняется не на американскую гегемонию, а на реальную многополюсность. Время глобальных сверхдержав, вообще говоря уникальное в истории международных отношений, пришло к концу. Главными игроками помимо США теперь будут Западная Европа, Китай, Япония, ряд крупных субрегиональных держав и, конечно, Россия, если она сумеет остановить внутренний распад и правильно определит свое место в новой системе взаимоотношений.

Грядет более традиционное, но гораздо более сложное время многосторонней дипломатии, хитросплетений противоречий и совпадений интересов государств, переменчивых коалиций и ограниченных политических целей. Уменьшится угроза всеобщей войны, но возрастет опасность локальных конфликтов, чреватых — с распространением ядерного оружия и ракетной техники — неуправляемой эскалацией по типу 1914 года. А потому в поддержании мира, в дополнении к взаимному сдерживанию потребуются активизация международных глобальных и региональных организаций коллективной безопасности, совместные акции держав по поддержанию мира и отражению агрессии.

### Три приоритета

Каковы же исходя из отмеченных перемен внешние интересы РФ? Незачем повторять, что во главу угла должно быть поставлено обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны, создание благоприятных внешних условий для развития рыночных реформ и демократических преобразований. Это и так понятно, и на том сходится большинство партий внутриполитического спектра. Но само по себе это еще ни о чем не говорит, поскольку такие условия трактуются по-разному: от полной пассивности под покровительством Запада до восстановления любой ценой СССР в границах 1945 года.

В качестве внешнеполитического приоритета нередко предлагается защита прав человека во всем мире. Но подобные цели не могут быть просто придуманы в кабинете, они должны естественно вытекать из устоев жизни общества и быть действительно близки ему. Между тем нам самим тут еще далеко до совершенства. Можно официально высказывать свою принципиальную позицию, но не будет же Россия обуславливать этим принципом свои отношения с Китаем или навязывать свои представления о правах человека Пакистану или Турции. Вспомним, что президент США Дж. Картер попытался в конце 70-х годов руководствоваться этим принципом во внешней политике. Но даже у Америки ничего не вышло, кроме путаницы и крупных политических издержек.

Точно так же ничего не объясняют заявления, что у нас нет врагов и мы стремимся дружить со всеми странами. Ведь некоторые государства преследуют цели, противоречащие нашим интересам, другие враждуют между собой и будут по-своему трактовать нашу дружбу со своим противником. (Например, улучшая отношения с Азербайджаном и Турцией, мы отталкиваем от себя Армению и Иран, и наоборот.)

Политика в отличие от перечня благих пожеланий начинается там, где проводят четкое разграничение: во-первых, между желательным и жизненно необходимым, а во-вторых, между желательным и реально достижимым. Кроме того, нужно понимать, что разные цели политики могут вступать между собой в противоречие (экспорт оружия и получение западных инвестиций в конверсию) и для выбора требуется продуманная система приоритетов.

Развертывать список внешних интересов и детализировать их по месту и обстоятельствам можно до бесконечности. Однако, учитывая упомянутые предпосылки и оговорки, у внешней политики России, как представляется, в перспективе на 90-е годы есть три высших внешнеполитических приоритета, соподчиненных между собой.

Первый — обеспечение политической стабильности, предотвращение и мирное урегулирование вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР как внутри отдельных республик, так и между ними, в том числе между ними и Россией.

Второй — предотвращение появления в Европе, Южной Азии и на Дальнем Востоке региональных держав-гегемонов, естественным полюсом притяжения которых будет рыхлое и нестабильное пространство бывшей советской империи.

Третий — сохранение некоторых позиций и функций глобального уровня, доставшихся России в наследство от СССР, в тех случаях, когда это не связано с чрезмерными затратами. Подробнее об этом — в следующей статье.

# Братья становятся соседями

1 января 1993 года на карте Европы появится новая граница — между чехами и словаками

С третьей попытки, после длительных, острых, то и дело грозивших кризисом дебатов Федеральное собрание Чехо-Словакии большинством голосов приняло закон о прекращении существования единой Чехо-Словакии. Голосование окончено — дебаты продолжаются. Как расценить это событие? «Победа здравого смысла» — «победа сепаратистов над федералистами» — такова полярность оценок. Но ведь в парламенте откровенных сепаратистов нет или почти нет, еще меньше их, как показали опросы общественного мнения, среди самих граждан. Как же могло случиться, что подавляющее большинство делиться не хочет, а единство сохранить тем не менее не удалось? Можно сказать, что Чехо-Словакия являет собой еще один пример того, как далеки интересы простых граждан от интересов политиков, логика жизни — от логики политической борьбы.

Это ведь они, граждане, в июне этого года на выборах проголосовали в Чехии за «правилу», как тут говорят, а в Словакии — за «левицу», это они привели к власти соответственно партию В. Клауса, выступавшую за федерацию, и партию В. Мечиара, согласную лишь на конфедерацию. Серьезные наблюдатели еще полгода назад назвали результаты выборов первым шагом к разделу государства. А ведь звучали же предостерегающие голоса: идя на выборы, вы голосуете не просто за ту или иную партию, ту или иную симпатичную или несимпатичную фигуру политика — вы голосуете за будущее государства. Как выразился известный политолог Зденек Млынарж, «недостаточно быть просто избирателями — необходимо стать еще и гражданами». Не устал объяснять ситуацию и Вацлав Гавел, постоянно напоминая о тех общечеловеческих идеалах, с которыми народ, тогда единый, и сокрушил прежний режим. Не раз предостерегал он против как крайне правых, так и крайне левых политиков и партий. Но выборы смели тех, кто стоял в центре, с политических подмоств ушли «идеологи правды и любви», либералы, «демократы со стажем», а их места в парламенте заняли прагматики и национал-радикалы.

Число людей, понимающих, что происходит вокруг, не растет, увы,

во всем мире. Еще меньше тех, кто понимает, каковы могут быть последствия предпринимаемых ими шагов. Опыт, приобретенный чехами и словаками после нежной революции, чаще заключался в утраченных иллюзиях, чем в обретенной мудрости. Так или иначе, а выбор на выборах был сделан. Дальше же, как и предполагали мудрые люди, возник эффект снежного кома. Провозгласила свой суверенитет Словакия, что легко можно было предположить заранее: в программе

судьбой архивов, а в федеральном собрании все шли дебаты вокруг проекта закона о прекращении существования единого государства. Левая оппозиция настаивала на референдуме, который сказал бы «да» или «нет» совместному существованию. Сама по себе идея референдума возражений вызвать не может, но в этих условиях, в этой ситуации, когда государство фактически уже распалось, референдум, как отмечают многие наблюдатели, завел бы в тупик. Оппозиция продолжала настаивать. Если федеральное собрание примет закон о прекращении существования общего государства, оно уподобится тому нацио-



Так начинается Словакия...

Фото из журнала «Тайм» (США)

партии Мечиара было заложено требование, чтобы эта республика стала субъектом международного права. Сразу заволиновская политики в Чехии: провозглашение суверенитета — не что иное, как развал государства. А раз вы, словаки, так — тогда развод, и побыстрее, иначе замедлится экономическая реформа. Такой прагматизм был тут же назван «правым большевизмом», даже «пиночетизмом». Страсти накалялись, а народ нельзя сказать чтобы безмолвствовал, но во всяком случае и особо не препятствовал сползанию страны к катастрофе.

Уже прошли серии правительственных встреч обеих республик, экспертов, специалистов, уже были приняты десятки соглашений, начиная с раздела имущества и кончая

нальному собранию, которое узаконило пребывание советских войск осенью 1968 года, отмечала в преддверии принятия закона газета «Руде право». Но ведь нынешний парламент не под дулами пушек заседает.

«День 25 ноября 1992 года войдет черной датой в историю словаков и чехов так же, как и 21 августа 1968 года», — заявил председатель компартии Чехии и Моравии Иржи Свобода. «Это день, который успокоит мир», — парировал чешский премьер Вацлав Клаус. Думается, ближе всех к истине Вацлав Гавел, который сказал, что принятый закон просто вводит в конституционные рамки уже идущий процесс деления Чехии и Словакии.

Инна Руденко,  
собр. корр. «Нового времени»  
ПРАГА

# Наши на чужой войне

Иностранной интервенции в Югославии пока нет, но иностранцы на ее территории уже воюют

**Геннадий Сысоев,**  
собственный корреспондент  
«Нового времени»

**Н**а автобусной остановке в Белграде, где огромная толпа народа ждала автобуса, пожилой человек почувствовал себя плохо. Его уложили на лавку и вызвали «скорую». Когда она приехала через полчаса (хотя могла вообще не приехать из-за отсутствия горючего), было уже поздно — человек скончался. Врачи констатировали смерть и уехали по очередному вызову. Прибывшая полиция запротоколировала случившееся и тоже уехала. А умерший несколько часов лежал на лавке, пока соответствующие службы не забрали тело.

Случай, конечно, из ряда вон выходящий, но он красноречивее любых слов показывает, что блокада Югославии сказывается на всем: на здравоохранении, на государственных служ-

бах и даже на похоронных бюро.

## Полгода санкций

Экономические санкции против Белграда длятся более пяти месяцев. Их принятие преследовало вполне определенную цель: оказать давление на Сербию, чтобы ускорить прекращение кровопролития в Боснии и Герцеговине. Ибо инициаторы санкций исходили из того, что ключ от боснийского урегулирования держат в руках руководители в Белграде.

Но прошло уже полгода, а воз двигаться отказывается.

Несмотря на усилия Европы примирить сербов, хорватов и мусульман в Боснии, пламя межнационального конфликта в этой бывшей югославской республике гаснуть не желает. Лидеры боснийских сербов, хорватов, мусульман подписывают соглашения — и не соблюдают их, устанавливают перемирие — и продолжают стрелять друг в друга.

В последнее время, правда, наме-

тилось некоторое ослабление остроты вооруженных столкновений. Но это, скорее, объясняется не тем, что лидеры прозрели, а тем, что сербы и хорваты уже достигли в БиГ своих военных целей: первые контролируют 60 процентов территории республики, вторые — 30 процентов. Но упускается из виду одна деталь: такого разграничения Европа не признает и признавать не собирается. Мусульмане, потерявшие в боснийской войне почти все, заявляют о решимости воевать до победы.

Так что конца бойни в Боснии пока не просматривается. Конфликт грозит перебраться на другие территории. Благо, горючего материала накопилось предостаточно — и в Косово, и в Санджаке, и в Македонии.

Ясно, что санкции целей не достигли. Стало быть, возникла необходимость внести коррективы и что-то изменить. Предлагались два варианта. Премьер-министр Югославии Милан Панич выступал и выступает за то, чтобы санкции были ослаблены, хотя бы временно. Тем самым Европа бы ясно заявила о поддержке политики, которую

прово-



Кто ответит за смерть?..

Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

дит правительство Панича. Кроме того, считает югославский премьер, санкции больно бьют по обычным людям и отнюдь не затрагивают положение политиков.

Однако в Европейском сообществе возобладал другой вариант. Паничу недвусмысленно заявили: санкции будут ужесточены. При этом предполагалось, что усиление нажима вызовет рост недовольства населения политикой сербского руководства во главе с Милошевичем. Другими словами, расчет делался на социальный бунт, который привел бы к смене режима в Белграде.

Принятие недавно соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН превратило санкции в блокаду. Через Югославию запрещается даже транзит основных видов сырья и материалов. Все входящие в югославские воды суда будут тщательно досматриваться кораблями НАТО, на границах вводится международный таможенный контроль.

## Логика не сработала

Логика ужесточения санкций, какой бы строгой она ни казалась, упускает из виду два важных момента. Во-первых, усиление давления извне отнюдь не ослабляет позиции руководства Сербии. Наоборот, способствует сплочению вокруг него населения. А во-вторых, снова исключительная вина за продолжение кровопролития в Боснии возлагается на Югославию. Такой подход вряд ли может привести к урегулированию. Ибо и хорваты, и мусульмане несут не меньшую ответственность за боснийскую драму. На территории БиГ до сих пор находятся десятки тысяч солдат регулярных хорватских войск, мусульмане почти в открытую получают оружие из-за рубежа. Изъятие Хорватии и мусульманского руководства БиГ из-под санкций может быть истолковано ими как индульгенция на продолжение боевых действий.

Таким образом, ужесточив санкции, международное сообщество не вняло призывам Милана Панича, ограничившись лишь словесной поддержкой его политики. А этого явно недостаточно тем силам, которые стремятся вернуть Югославию в Европу. Возможное поражение Панича на предстоящих выборах обострит и без того накаленную ситуацию в стране.

Сербский патриарх Павел недавно заявил: «Нас ожидает или иностранная интервенция, или



Боснийский узел: ни развязать, ни разрубить...

Рисунок из газеты «Гардиан» (Великобритания)

междоусобная война». Прогноз святого отца очень близок к истине. Не потому, что патриарх ближе к Богу, который всезнающ, а потому, что он точно оценивает нынешнюю югославскую действительность.

## Готовы умирать за 1000 марок

Иностранной вооруженной интервенции в бывшей Югославии пока нет, но зато на ее территории уже есть иностранные солдаты. Помимо «голубых касок» ООН к ним относятся и тысячи наемников, которые здесь воюют. Первыми их стала использовать Хорватия. В рядах хорватской армии служат военные инструкторы из западных стран, есть и солдаты. Причем последние — не только из европейских государств. Некоторые наемники прибыли из тех краев, где население довольно сильно отличается по цвету кожи от европейцев. Наемники в хорватской армии в период боевых действий получают втрое большую месячную плату, нежели сами хорваты, — свыше тысячи немецких марок. Впрочем, до дня зарплаты доживают не все. Наем-

ников используют на самых опасных направлениях.

Не гнушаются услугами наемников и боснийские мусульмане, которые в военном плане были подготовлены хуже своих противников. Они обратились за помощью к братьям по вере во всем мире. Сейчас на стороне мусульман в Боснии воюют несколько тысяч борцов за идеалы ислама. Подавляющее большинство этих наемников — афганские муджахеддины, которые ищут себе новое применение. Деньги на их переброску и финансирование поступают в основном из Саудовской Аравии и Пакистана. Оттуда же идет и оружие. На территории БиГ сформированы уже целые части из муджахеддинов, которые за тысячу марок в месяц выполняют любые приказы.

В последнее время подтвердились и давние слухи об участии в югославском конфликте наших соотечественников. Один из лидеров боснийских сербов признал, что под его командой воюют несколько десятков русских. По его словам, в Югославию готовятся прибыть «около тысячи российских граждан, которые подбираются в тайно созданном в Москве мобилизационном центре».

Думаю, утверждения о «тысяче русских добровольцев» ближе к слухам, нежели к истине. Попытка выдать желаемое за действительное. Аналогичное заверение, что «на днях» в Югославию прибудет два полка казаков на помощь братьям-сербам, можно было услышать уже давно. Однако то, что в рядах сербов воюют несколько российских граждан, — это факт. Почти все они бывшие афганцы, не нашедшие себя на родине. Правы были те, кто утверждал, что «афганский синдром» еще долго будет давать о себе знать. В Югославии он получил неожиданное проявление.

Граждане бывшего СССР участвуют в югославской войне не только на сербской стороне и не только «ради идеи». Во время поездки по фронтам я встретил двух украинских ребят, воюющих на стороне хорватов за плату в 1000 марок. «Нам не важно, за и против кого мы воюем, — говорили они мне. — Важно, что мы за это неплохо получаем». Они утверждали, кстати, что за хорватов воюют и граждане бывшего СССР других национальностей, в том числе и россияне...

До сих пор помню ужаснувшую меня тогда мысль. Русский и украинец или даже два русских смотрят друг на друга через прорезь прицела где-то на югославском фронте.

БЕЛГРАД

Майкл Хезлтайн:

# «Трудно валюту вложить, еще труднее ее вывезти»

Министр торговли и промышленности Великобритании отвечает на вопросы корреспондента «Нового времени» **Сергея Бабусенко**

**«Н**овое время». Эта осень была необычно насыщенной в британо-российских отношениях. В ходе визита в Лондон российского президента был подписан исторический договор между нашими странами. Важнейшая сфера сотрудничества — экономика. Не так давно вы были в Москве. Как бы вы охарактеризовали результаты встреч, на которых поднимались вопросы торгово-экономических отношений?

**Майкл Хезлтайн.** Мне удалось установить прямой контакт с теми в российском правительстве, кто непосредственно отвечает за торговлю и экономику, и это первый шаг на пути к хорошим коммерческим отношениям. Мне хотелось из первых рук узнать о процессе реформ в России, сформировать представление о том, в каких сферах заложен максимальный экономический потенциал, определить наилучшие способы получения Россией ресурсов по экспортно-кредитным гарантиям, объявленным британским правительством.

**«НВ».** Как бы вы оценили перспективы торгово-экономических отношений двух стран?

**М.Х.** Я подписал протокол о полномочиях Совместной контрольной комиссии по торговле и инвестициям, в первом заседании которой сопредседателями были я и заместитель российского премьер-министра господин Шохин. Была подписана и совместная декларация об экономической кооперации.

Россия обладает огромными запасами полезных ископаемых и потенциально очень богатая страна. Я верю, что в перспективе она будет одним из важных торговых партнеров Великобритании. Пока же, однако, не все базовые элементы рыночной экономики нашли применение в вашей стране, существует изрядная доля риска, ведение бизнеса в Рос-



сии влечет большие накладные расходы. Разумеется, это заставляет западные компании проявлять определенную осторожность, но я надеюсь, что те, кто сумеет перешагнуть через это, непременно будут искать новых партнеров, новые возможности, которые существуют там, где удастся определить конкретные пути реализации экономических проектов.

**«НВ».** В этой связи что вы думаете о возможностях инвестирования в российскую экономику? Что должно быть сделано, чтобы привлечь западный капитал? Какие сектора экономики наиболее привлекательны для западных инвесторов?

**М.Х.** Я бы назвал сферы, связанные с разработкой природных ресурсов. Особенно это касается энергетики. Западные нефтяные и газовые компании давно стремились получить различного рода концессии, и вот недавно были подписаны соответствующие соглашения с Казахстаном и Азербайджаном. Это повлечет рост инвестиций, поток валюты в эти страны за счет экспорта продукции с разрабатываемых месторождений. Однако для вкладчиков капитала существует ряд препятствий, о чем я и мои кол-

леги беседовали в Москве. Основное — отсутствие понятной, неизменной и устоявшейся законодательной базы и финансовых структур в экономике России. Порой непонятно, с кем иметь дело, кто обладает законным правом подписывать контракты, которые бы имели соответствующую силу. И, конечно, в условиях отсутствия конвертируемой валюты возникают значительные сложности при получении и вывозе заработанной валютной прибыли.

**«НВ».** Не думаете ли вы, что необходимо внести определенные изменения в экономическую политику России для укрепления ее деловых отношений с Западом?

**М.Х.** Я приветствую тот огромный прогресс, который достигнут Россией в реформировании экономики, особенно широкомасштабную программу приватизации. Важно двигаться вперед к установлению реальных рыночных отношений. В этом плане необходимо иметь продуманную, отвечающую требованиям рынка финансовую политику. Это станет важнейшим условием для достижения новых соглашений с МВФ, позволит надеяться на получение экономической помощи.

**«НВ».** Как бы вы охарактеризовали перспективы дальнейшего сотрудничества России и ЕС?

**М.Х.** Когда Великобритания стала председателем ЕС, она взяла курс на ускорение развития связей Сообщества с Россией. Соответствующий документ — Соглашение о партнерстве и кооперации с Россией — был согласован Советом министров иностранных дел ЕС 5 октября этого года. Таким образом, Россия войдет в число первых, с кем Европейское сообщество начинает переговоры о сотрудничестве. Сейчас мы надеемся, что процесс этот будет двигаться быстро. Это позволит подписать соглашение в ближайшее время. Добавлю, что ЕС уже разработало программу технического содействия странам СНГ, в соответствии с которой помощь в реализации перехода к рынку представлена и России. Помимо этого Сообщество активно участвует в гуманитарной помощи, предоставлении займов под закупки продовольствия и медикаментов.

ЛОНДОН

# Россия в зеркале японских островов

Вадим Макаренко

**С**лишком многое в Японии не укладывается в привычные стереотипы: маленькая страна, но великая держава, обделенная природными ресурсами, но с колоссальным ВВП; восточная страна, но по отношению к нам и не только к нам — безусловно, Запад; современная культура, но основывающаяся на традиционных восточных ценностях. В силу этих особенностей мы часто неадекватно воспринимаем Японию, а соответственно искаженно видим и свое собственное место в мире.

Первый раз мы столкнулись с этим, потерпев поражение в русско-японской войне, результаты которой оказались неожиданными и для самих японцев. В России они вызвали шок, дав толчок революции и реформам. Сегодня японцы на своих почти стерильных 372 тысячах километрах производят больший по объему ВВП, чем мы на своих сказочно богатых ресурсами двух десятках миллионов.

Военное поражение воздействует на сознание нации значительно сильнее, чем поражение в экономическом соревновании. Поэтому перспектива вынужденного возвращения Японии нескольких островов Курильской гряды вызвала в стране гораздо больший резонанс, чем тот факт, что мы уступили Японии по валовым показателям. Эту проблему мы сами себе создали в конце войны, думая не о воспол-

**Почему маленькая страна давно обошла по экономическим показателям одну шестую часть суши? Чем мы хуже японцев?**

нении жизненных сил нации, а о позициях для завоевания мирового господства и стремясь обеспечить свободный выход своего флота на просторы Мирового океана. С этой целью мы присоединили не только острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, занимающие стратегически важные позиции в Тихом океане, но и получили права на аренду порта Дальнего в Китае, Порккала-Удд в Финляндии.

## Русский простор... богатство или бремя?

От порта Дальний Советский Союз отказался в 1950 году, передав его Китаю, от Порккала-Удд — в 1955 году. В это время появились и признаки готовности возвращения Японии южнокурильских островов. Советский Союз сосредоточивался на задачах экономического роста, на переплавку шли боевые корабли, самолеты. Ядерное оружие было способно защитить страну от внешней угрозы, а идеей высадки советских войск где-нибудь во Флориде или Калифорнии Хрущев не был одержим. К сожалению для обеих сторон, вопрос о Южных Курилах не был тогда решен.

Сегодня слишком жесткая позиция японской стороны и то, что этот вопрос стал предметом острой внутриполитической борьбы, создают большие сложности с его решением. В России возврат островов многими может быть воспринят как окончательная потеря лица великой державы.

Мы не сравниваем себя с Японией. В ходу параллели с Америкой, большой (9,4 миллиона квадратных километров), лежащей в более благоприятном агроклиматическом поясе. Но, главное, для нашего все списывающего на войну сознания — более 200 лет не знавшей войн на своей территории. А стоит взглянуть на Восток, чтобы лучше понять самих себя и избавиться от некоторых стереотипов, мешающих принимать правильные решения. Главный из них — стереотип территориального превосходства («Шестая часть земли с названием кратким Русь...»).

Необъятность нашей территории как черта, подчеркивающая нашу национальную избранность, — одна из самых дорогих русскому сердцу. При этом многие даже смутно не догадываются, что значит для каждого из нас бремя столь громадной территории, взваленное на нас историей.

Необъятность территории делает нашу историю, как писал Сергей Соловьев, историей колонизирующейся страны. Здесь есть сходство с Америкой, но в отличие от освоения североамериканского континента, которое опиралось на экономический и демографический потенциал всей Европы, колонизация первоначально бассейнов Волги, Дона, Причерноморья, а затем Сибири и Дальнего Востока легла по существу на плечи одного народа, чья энергия беспрестанно растрачивалась в территориальной экс-



Россия огромная страна. А все кажется мало

пансии, что препятствовало углублению нашей культуры, накоплению цивилизационного богатства.

### «В бревно, в кол и в жердь»

В Японии же, несмотря на острый земельный голод в основной части Японии, где к середине XVIII века было закончено освоение всех доступных для обработки земель, остров Хоккайдо, не пригодный для ведения традиционного рисоводческого хозяйства, оставался неосвоенным. (Освоение Хоккайдо началось лишь в конце XIX — начале XX века и было бы немислимо без европейского влияния: новые культуры, новые технологии, новая геополитическая ситуация на севере страны.)

Правда, в истории японской нации был момент, когда на волне войн за объединение страны ее сила и энергия чуть было не выплеснулись на Азиатский континент. Но завоевательные походы Хидэёси Тоётоми в Корею (1592–1595, 1596–1598 годы) не увенчались успехом и не изменили характера отношений в Восточной Азии.

На пути русских не было других этносов, способных противостоять движению русских на юг и восток, вдоль огромного массива пахотных земель. Это обрекало Россию на совсем иную, чем у Японии, судьбу. Каждое расширение территории нашего государства сопровождалось регрессом социально-экономических отношений, увеличением числа черт, сближавших Россию с восточными деспотиями и отдалявших ее от Запада. Последний, кстати, был значительно жестче ограничен в возможностях территориальной экспансии. Не случайно, что переходу в новое состояние — к буржуазной цивилизации — предшествует достаточно длительный период относительной территориальной стабилизации (поражение немецкой колонизации на северо-востоке, образование мощных арабских государств на юге и юго-востоке, прекращение крестовых походов).

В отличие от Японии, получившей в конце XVI века отпор в Корею, военная мощь Московии, объединившей русские земли в XIV–XVI веках, не встретила в татарских ханствах Поволжья преград. Их падение (1552, 1556 годы) открыло путь миграции российского крестьянства на юг и восток. Последствия этого, усугубленные потрясениями правления Ивана Грозного, не заставили себя долго ждать. Георгий Плеханов пишет об этом периоде: «...население широким потоком хлынуло из центрального междуречья (Оки и Волги. — В.М.) на юго-восток, по Волге, и на юг, по Дону. По сильноному выражению профессора Ключевского, ход сельского хозяйства в Московской Руси «представлял, можно сказать, геометрическую прогрессию запустения». В 70–80-х годах XVI века в

пусте иногда по многу лет лежало больше половины, а порой и до 90 процентов земли. Даже в центральном Московском уезде обрабатывалось около 16 процентов пашни. Пашня порастала лесом «в бревно, в кол и в жердь».

По существу, только крепостное право, как ни горько и унижительно оно было, как ни отрицательно его влияние на характер народа, позволило остановить запустение, набравшее силу в стране. Нация была сохранена, но человек был принесен в жертву. Не в первый и не в последний раз интересы нации и личности в России не совпали.

### Велика Россия, а работать некому...

У России было еще одно важное отличие от Японии. В Японии после компромиссного объединения страны в начале XVII века под властью сёгунов из династии Токугава военная сила самурайского сословия не имела применения, а его социальное положение постоянно ухудшалось. Россия же, включенная в постоянное военное противоборство со своими соседями, чтобы устоять и сохранить свою государственность, была вынуждена создать деспотическую государственную структуру, которая железной рукой отбирала все необходимое ей и у крестьянина, и у боярина.

Историческая судьба России заключена в этом противоречии: неисчерпаемое пространство, диктовавшее примитивный патриархальный способ существования миллионам крестьянских семей, первоначально вынужденное, а затем и добровольное участие в европейской политике, требовавшей колоссального расхода сил и средств.

России потребовалось более двух веков, чтобы хоть как-то освоиться с огромным приростом географического пространства, пока в начале правления Екатерины II встал вопрос об отмене крепостного права. Причина этого заключалась отнюдь не в философских воззрениях императрицы, а в восстановлении баланса между численностью крестьянства и земельными ресурсами. Об этом свидетельствовала широко распространившаяся в это время торговля крепостными. Численность населения России в это время достигала лишь 19 миллионов человек (1762 год). Интересно заметить, что численность населения Японии была где-то на треть больше, чем в России, и составляла около 28–29 миллионов.

В последующие сто лет в Японии наблюдался очень медленный рост населения, потому что условия для расширенного воспроизводства на-



Отчего у нас ничего не выходит?

селения были исчерпаны: Япония развивалась вглубь, усложнялась орнамент национальной культуры. Она все более напоминала баллон с сжиженным газом, требовалось лишь дать ему выход. К счастью для Японии, этот выход был найден не во внешней военной экспансии, хотя такие попытки были, а в индустриализации страны, для которой максимальное развитие традиционных производительных сил стало прекрасной основой.

На пороге современности обе страны практически одновременно — Россия в результате поражения в Крымской войне, а Япония под англо-американским давлением (Опиумная война 1840–1842 годов, экспедиция Майкла Перри в Японию и Китай) — были вынуждены стать на путь модернизации, который оказался первоначально успешным для обеих стран.

Россия, с петровских времен усваивавшая европейский опыт, казалась бы, обладала несомненным преимуществом, но на деле это было далеко не так. То, что Япония сумела проделать в считанные годы — наделить крестьян землей, в России до конца не было осуществлено до Октября 1917 года.

В Японии рост социально-экономической напряженности воспринимался как неизбежное: человек понимал, что правительство помочь не в силах. Давление огромного населения на ограниченные природные ресурсы, естественно, воспринималось людьми как необходи-



А у японцев все ладится?

мось работать больше, дольше и интенсивнее.

В дореформенный период населения России, как и население Японии, росло весьма быстро. Соблазн легкой добычи в борьбе за Азиатский материк дал толчок военной экспансии. Япония втягивается в борьбу за расширение жизненного пространства, при этом резко нарастают черты подобия с Россией. Однако сравнительная военная слабость на начальном этапе послужила Японии хорошей службой: партия войны на время оказалась поверженной, ее лидер Такамури Сайго погиб в ходе крупнейшего восстания самураев (обратите внимание — не крестьян, а самураев, не желавших пройти через горнило модернизации). Критические годы становления капитализма страна проводит в том же замкнутом состоянии сосредоточенности на решении собственных проблем. Тем не менее чрезвычайно выгодное геополитическое положение провоцирует японскую экспансию на материк навстречу России. Китайско-японская война (1894–1895 годы), русско-японская (1904–1905 годы), аннексия Кореи (1910). К первой мировой территории Японии достигает около 510 тысяч квадратных километров.

## И вновь крепостное право

Первая мировая война оказывается для Японии ласковой мачехой: экономический всплеск в связи с резким

расширением рынков сбыта своей продукции. России гораздо хуже, ее европейское начало оказывает ей плохую службу: она не получила столь желанных двадцати лет мира и так и не смогла вынырнуть из войны — потери, революция, эмиграция. Деревня вновь оказалась опустошенной. Понадобилось долгих десять лет, чтобы восстановить демографический потенциал деревни, но начало ускоренной индустриализации, создавшей большое число новых рабочих мест, вновь поставило правительство перед необходимостью прикрепления крестьянина к земле: выход был найден в коллективизации деревни, лишении крестьянства права смены местожительства. В Японии избыток свободной рабочей силы, выталкиваемой из деревни, порождал феномен низкооплачиваемой занятости, что способствовало продвижению японских товаров на внешние рынки.

В советское время в России нарастает резкий дисбаланс между городским и сельским населением. Дело не в доле городского населения, которая отнюдь не превышает долю городского населения в развитых странах мира (например, в Японии доля городского населения составляет около 80 процентов). Проблема в неразвитости сельской сферы. В результате чего Россия живет в условиях постоянной угрозы голода и сильнейшей продовольственной зависимости от западных стран, и прежде всего США.

Парадоксально: в сходной ситуации Япония и Россия проводят противоположную политику — Россия полностью открыла свой рынок для ввоза сельскохозяйственной продукции, а Япония, несмотря на дороговизну сельскохозяйственной отечественного производства, держит свой рынок закрытым, опасаясь лишиться крестьянства, которое явно не способно выдержать конкуренцию с американским или канадским фермером.

Опустошение российской деревни делает фундамент модернизации нашей экономики непрочной, песчаной почвой. С падением колхозно-совхозной системы и введением частной собственности на землю становится неизбежным новый этап колонизации колоссальных земельных массивов, либо используемых крайне неэффективно, либо совсем выбывших из хозяйственного использования. Это приведет к оттоку населения из городов. Если не будет вливания иностранного капитала, то многие производственные мощности будут не модернизированы или переориентированы на гражданское производство, а просто брошены и, возможно, порастут

лесом «в бревно, в кол и в жердь».

Нам долго было недосуг задуматься, зачем мы с таким остервенением рубили окно в Европу, потеряв в щепках почти половину населения России. Что потом мы взяли через это окно? Да практически ничего, пока не восстановили расстрелянную силу. Что потеряли японцы, указав на дверь европейцам в 1634 году? Как показывает история — тоже ничего. Страна еще долго, почти два с половиной столетия, жила, подчиняясь своему внутреннему ритму, жила созвучно своим понятиям и представлениям, копила ту силу, которая затем развернулась подобно силе нашего былинного Ильи Муромца, тоже «сиднем просидевшего» 33 года. Срок, наверно, соотносимый с двумя столетиями в жизни нации.

## Тоска по мировому признанию

Нашему революционному менталитету, привыкшему форсировать события, пытаюсь их направить в русло умозрительной схемы (то строительства социализма, то перехода к капитализму), осознанной кем-то необходимости, непривычно течение истории, которую никто не пытается повернуть вправо или влево, на север или на юг. Сегодня очевидна бесплодность попытки прыгнуть выше головы, но некоторые называют это состояние общественной апатией. Вновь срабатывает комплекс неполноценности России как европейской нации.

Народ устал, надо уйти в тишь европейской и мировой истории, перестать растрчивать себя во внешнеполитическом блеске ограниченных континентов, миротворческих сил, как бы это ни противоречило нашему стремлению к национальному возвеличанию. Знай, мол, наших. А кто знал Японию в XII–XIII веках? Но страна сумела одной из немногих отбить монгольское нашествие. И дело не только в тайфунах, но и в том, что ее население составляло тогда 12–13 миллионов человек, а население Киевской Руси лишь 1,5–2 миллиона человек.

Щемит нас тоска по мировому признанию. Не участвовали в войне в Персидском заливе. Казалось, надо бы радоваться: в които веки обошлось без русских. Но нет — гложет обида: как же так без нас? И вот уже наши миротворцы в Югославии. А что если бы обошлись без нас? Очевидно, есть в нашем постоянном стремлении играть неписанную для нас роль нечто глубоко свойственное русскому характеру. Но пора нам отрешиться от чрезмерных обязательств по отношению к миру и заняться выполнением обязательств по отношению к собственному народу.

# Самый богатый человек живет здесь

Бывший английский протекторат, в котором никто не стремится к переменам

Александр Чудодеев

**Э**тот праздник опять прошел мимо нас. Отечественное телевидение отвело ему в программах новостей не более минуты, а средства печати, да и то не все, — несколько строчек на последних страницах. Между тем, по мнению мировых средств информации, это событие вышло далеко за рамки ординарных.

В начале октября 1992 года короли, принцы, президенты и премьер-министры съехались со всего света в Бруней, чтобы отпраздновать серебряный юбилей пребывания на троне этого крошечного госу-



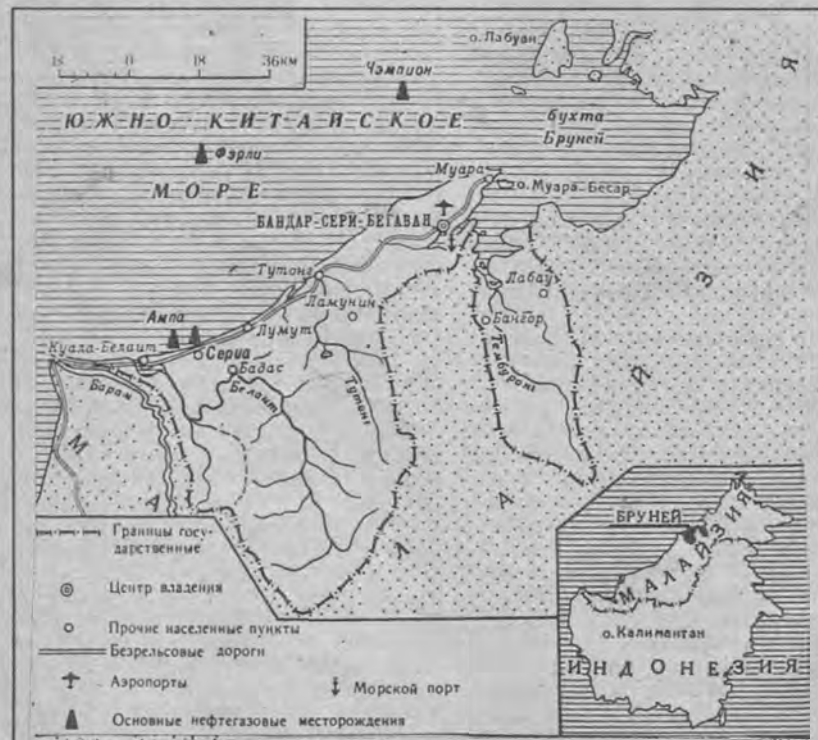
Султан Брунея Болкиах за 25 лет пребывания на троне стал самым богатым человеком в мире, а его подданные имеют доходы большие, чем англичане

дарства в Юго-Восточной Азии султана Хассанал Болкиах Муиззадин Ваддаулаха. В ходе торжественной церемонии, которая венчала 15-дневный праздник, монарха провозили по улицам столицы страны Бандар-Сери-Бегавана в колеснице, которую тянули полсотни человек. За ним в «роллс-ройсе» следовали две его жены. Накануне султан принял в самом большом в мире дворце, насчитывающем 1778 комнат и 257 туалетов, около шести тысяч избранных высокопоставленных иностранных гостей. К сожалению, на юбилей брунейского султана не прибыли наши соотечественники, хотя российским руководителям заблаговременно были высланы приглашения.

В своей тронной речи под звуки английского колониального марша Болкиах заявил: «Мы с оптимизмом можем смотреть в будущее благодаря тому, что существует нерушимое единство между Правителем и его подданными». Действительно, нынешнему оптимизму брунейцев могут позавидовать и жители более крупных стран.

## Великий султанат

Не во все времена Бруней был богатым, хотя и маленьким государством. Теперешний Бруней, или как его еще называют «Кувейт Юго-Восточной Азии», — это жалкий осколок (его можно объехать на полбаке бензина) некогда могущественной и крупной феодальной империи. В пору расцвета брунейские султаны распространяли свою власть на значительную часть острова Калимантан и на некоторые южные районы Филиппинского архипелага. Это был важный перекресток средневековых морских торговых путей, связывавших Индию и Индонезию с Китаем. Торговля способствовала укреплению Брунея, развитию его культуры, испытывавшей воздействие различных влияний: индийского, индонезийского, китайского, арабо-мусульманского...



В 1521 году спутники Магеллана первыми из европейцев ступили на землю Калимантана («Остров большой реки» — по-малайски). Они-то и дали Брунею искаженное название — Борнео, которое на Западе укоренилось и стало общепринятым в течение столетий. Участники экспедиции были поражены необычайной роскошью двора султана и утонченным придворным этикетом. Испанцам удалось заключить дружественный договор с Брунеем и добиться здесь торговых привилегий. Позднее, в конце XVI века, испанцы пытались подчинить себе султанат, но из этого ничего не вышло. В XVIII веке такую же попытку предприняли англичане, и тоже неудачно.

Однако, по мере того как европейские колонизаторы утверждали свое господство в Юго-Восточной Азии и захватывали важные торговые пути, значение Брунея падало. Брунейский султанат оказался в кольце колониальных владений голландцев, испанцев, англичан и французов, оставаясь на прежнем уровне феодальных и полуфеодальных отношений. Как следствие, в начале XIX века ослабленное государство было охвачено междоусобной борьбой. Феодалы-наместники, имевшие укрепленные резиденции устьях больших рек, не признавали власти султана. Так вел себя, к примеру, наместник небольшой западной области Саравак. В такой обстановке центральные власти обращаются за помощью к некоему авантюристу англичанину Джеймсу Бруку, чья деятельность на родине впоследствии стала легендарной.

## «Белый раджа»

Джеймс Брук родился в 1803 году в семье разбогатевшего чиновника британской Ост-Индской компании. Он не получил серьезного образования, но был начитан и любознателен. В молодости служил в армейских подразделениях компании, но ушел в отставку из-за тяжелого ранения. После смерти отца Джеймс унаследовал большое по тем временам состояние — 30 тысяч фунтов стерлингов и на них приобрел парусное судно «Ройялист». Вооружив парусник пушками и набрав разноликую команду из «искателей приключений», Брук объявил целью своего плавания научные исследования берегов Калимантана и Сулавеси.

На самом деле о науке он и не помышлял. Идеалом Брука был сэр



В начале века брунейцы еще промышляли отловом орангутангов. Теперь «нефтепром» вывел их страну в ряд наиболее цивилизованных

Иллюстрации из журналов «Нэшнл джеографик» (США) и «Природа и люди» (Россия, 1909 год)

Стамфорд Рафлз, один из столпов британской колониальной политики, основатель Сингапура.

Прибыв в Бруней, наблюдательный Брук быстро оценил ситуацию: султанат находится на грани распада, его феодальная верхушка не способна выступить сплоченной силой, а лишь стремится набить свои карманы. Брук тут же вступает в сделку с центральными властями — с отрядом из 12 вооруженных членов своей корабельной команды он быстро (у восставших не было огне-

стрельного оружия) подавляет сепаратистское выступление в Сараваке. В награду за это, а также за помощь в борьбе с пиратами, нападавшими на прибрежные селения, он получил у султана пост наместника и право сбора налогов в Сараваке.

Джеймс Брук правдами и неправдами расширял территорию Саравака за счет слабейшего Брунея. Но — удивительное дело — сами местные жители не особо этому противились. В какой-то мере аборигены видели в «прогрессивном правлении» Брука меньшее зло или во всяком случае считали, что хуже, чем при брунейских чиновниках-грабителях, не будет. Видя успехи Брука, султан в 1846 году сместил англичанина с поста наместника. В ответ Брук вызвал английские военные суда и напал на столицу. Султану пришлось покориться и признать Брука независимым правителем (раджей) Саравака. Кроме того, Бруней уступил английской короне стратегически важный остров Лабуан, губернатором которого опять же стал Джеймс Брук. Восточную часть владений султана, нынешний Сабах, стала колонизировать «Британская компания Северного Борнео».

В 1888 году, уже после смерти Брука, англичане навязали ослабленному султанату свой протекторат. Два года спустя колонизаторы отобрали у султана долину реки Лимбанг, расчленив брунейское государство на два анклага, а через некоторое время округ Лавас у восточных границ султаната. В 1906 году Великобритания навязала Брунею новое соглашение, по которому в султанат назначался английский ре-

зидент, подчиненный британским колониальным властям в Сингапуре и фактически ставший правителем некогда могущественной, а теперь уже крошечной страны.

После второй мировой войны англичане были вынуждены посчитаться с размахом «национально-освободительного движения» в ЮВА и предоставить своим колониям политическую независимость. Так на карте мира появились новые государства — Малайзия и Сингапур. Но Бруней «не выразил желания» войти в состав образовавшейся в 1963 году Федерации Малайзии, куда вошли другие английские колонии Северного Калимантана — Саравак и Сабах. Англичане сделали все возможное, чтобы сохранить Бруней в качестве своего протектората, и оказали давление на султана, подсаживая вышеуказанное «желание». Нефтяные монополии не хотели терять тех огромных прибылей, которые приносила им брунейская нефть. Сами брунейцы сейчас, вероятно, благодарны им за столь «беспардонное вмешательство» в дела собственной страны.

## Велосипедная стоянка

Поиск нефти в Брунее начался в 90-х годах прошлого века, но лишь в 1929 году забил первый фонтан. История такова: два английских геолога ехали на велосипедах в направлении крохотного поселка Сериа. Дорогой тогда служил песчаный пляж и ехать под палящими лучами солнца было тяжело. Когда путешественники подъехали к устью реки Сериа, то почти без чувств упали на песок. Проснувшись, один из них начал прищипывать — вроде бы пахло нефтью. Прибывшая на место «велосипедной стоянки» буровая бригада действительно обнаружила «черное золото».

В годы второй мировой войны Бруней более трех лет находился в руках японцев. Хотя англичане перед уходом взорвали все добывающее и перегонное оборудование, японцы скоро наладили нефтедобычу и даже пробурили более десятка новых скважин.

С возвращением англичан здесь появилось еще больше нефтенасосов, называемых местными жителями «стальными осликами». Всего на сегодня из месторождения Сериа выкачено более миллиарда баррелей нефти, и фактический хозяин Брунея — транснациональная корпорация «Ройял датч-Шелл» рассчитывает в ближайшее время добыть еще 250 миллионов баррелей.

Почти век англичане безраздельно хозяйничали в Брунее. И все же им пришлось пойти на предоставление политической независимости султанату — англичане посчитали, что тем самым они еще больше укрепят свое влияние в Брунее и регионе в целом. 1 января 1984 года британская корона

«потеряла» последнюю в Азии, если не считать Гонконга (его она «потеряет» в 1997 году), колонию. На карте мира появилось новое государство — Бруней Даруссалам («Обитель мира»). Тогда же оно стало членом АСЕАН, Организации исламская конференция и 159-м членом ООН.

## Живущие в райском замке

Время в Брунее как бы не чувствуется. Здесь не происходит больших изменений. Возможно, это связано со «священной заповедью» брунейцев — «предки тебя накажут, если ты коренным образом поменяешь свой образ жизни». Поэтому они и не стараются этого делать. Как и столетия назад, местные жители предпочитают заниматься традиционным промыслом — рыболовством и ткачеством. На нефтепромыслах же заняты в основном 40 тысяч иностранных рабочих. Здесь не проводятся выборы и нет влиятельных политических партий. Правда, лет семь назад появилась Национальная демократическая партия Брунея, но она не играла какой-либо политической роли, а все ее члены, многие из которых работали в компании «Шелл», желали лишь одного — введения в Брунее конституционной монархии.

Ислам, привнесенный на Калимантан арабскими торговцами в XIII веке, является господствующей религией в анклав. Чтобы в очередной раз это подчеркнуть, султан недавно выделил один миллион долларов в помощь боснийским мусульманам из бывшей Югославии. Но религиозного фанатизма в Брунее также никогда не было.

Брунейцы по-прежнему называют свое государство мусульманской монархией, поскольку власть в стране принадлежит султану и его семье. 29-й султан Брунея Хассанал Болкиах вступил на престол 21-летним юношей 4 октября 1967 года, сменив на троне своего отца — Омар Али Сайфуддина. Эта история до сих пор покрыта тайной. Известно лишь, что прежний султан, еще далеко не старый человек, самолично отрекся от престола в пользу своего старшего сына. Поговаривали, что на Сайфуддина надавил Лондон, с которым у брунейского монарха в последние годы его правления возникли осложнения. Однако официальные и неофициальные источники Брунея так и не сообщили об истинных причинах отречения Сайфуддина.

Хассанал Болкиах молодые годы провел на чужбине — обучался в Куала-Лумпуре и в британской Королевской военной академии в Сандхерсте. Но дома он правит традиционно, без иностранных заимствований. Одновременно он — премьер-министр главнокомандующий вооруженными силами, укомплектованными в основном английскими военными служа-

щими. Султан также глава ряда управлений и ведомств. Лишь недавно он пожаловал портфели министра финансов и министра иностранных дел своим младшим братьям. Сделано это было скорее потому, что внешняя политика Брунея и управление его финансами вершатся не в Бандар-Сери-Бегаване, а в Лондоне.

«Все наши успехи достигнуты благодаря Англии», — любит повторять нынешний брунейский монарх слова своего отца. Возможно, он и прав. Сегодня больше половины из почти 6 миллиардов долларов, которые компания «Шелл» ежегодно зарабатывает на экспорте нефти, выделяются «государству нефтяного благоденствия». Эти деньги дают брунейцам возможность бесплатного образования на родине или за рубежом, бесплатную медицинскую помощь, займы под низкие проценты, субсидированное продовольствие и щедрые пенсии за выслугу лет, здесь не платят подоходных налогов.

Иностранцев удивляет удивительная лояльность брунейцев к властям. Более или менее крупных проявлений недовольства здесь не случалось 30 лет. Дело не только в том, что около 45 процентов трудоспособного населения занято в руководящих сферах либо служит в органах безопасности. Все дело в экономике.

Сегодня доход на каждого из 260 тысяч жителей страны превышает соответствующие показатели Великобритании и Сингапура и составляет 19 тысяч долларов в год. По запасам иностранной валюты — более 30 миллиардов долларов — Бруней вышел на третье место в Азии вслед за Японией и Тайванем.

Сам 46-летний султан, согласно рейтингу журнала «Форчун», занимает первое место среди богатейших людей мира. Он распоряжается доходами от продажи нефти и валютными фондами, которые превышают 37 миллиардов долларов. Помимо этой суммы он владеет богатейшей коллекцией картин импрессионистов, роскошными отелями в Лондоне и Лос-Анджелесе... Но не только в личности монарха секрет нынешнего благоденствия Брунея. Заслуга Болкиаха состоит, пожалуй, в том, что однажды с большой выгодой для себя и своих подданных сумел продать англичанам единственный источник богатства Брунея — нефть, которым он вряд ли смог бы так выгодно распорядиться. С тех пор брунейский султан лишь «стрижет купоны».

«...Они живут в райском замке Камелот, как янки при дворе короля Артура. Эта крепость дает брунейцам большой уют, полную безопасность и отгораживает от любого инакомыслия», — говорят обычно многочисленные западные туристы, приезжающие в Бруней. И местные жители с этим не спорят.

# Брак по расчету

Может ли быть счастливым такой брак?

Да, отвечают сегодня в Европе, если расчет верен

Европейское сообщество (ЕС) и Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) подписали, по сути дела, такой брачный контракт, совместно создав Европейское экономическое пространство (ЕЭП). Соглашение являет миру монументальный труд — документ и приложения к нему составляют 12000 страниц — по унификации правил и процедур, охватывающих законодательство, торговлю, финансы, транспорт и многое иное. С 1 января 1993 года 380 миллионов человек в 19 государствах будут жить и работать внутри единой Европы. Правда, объединяются лишь благополучные страны Западной Европы, оставляя за бортом такое же количество восточных европейцев, а также Турцию и Мальту.

Шаг тем не менее исторический: в мире образуется самая большая зона, где совершенно свободно будут перемещаться товары, капиталы, услуги и люди; где резко активизируется сотрудничество в таких сферах, как социальное обеспечение, образование, наука, охрана окружающей среды. Впервые не только жители стран ЕС, но также австрийцы, исландцы, лихтенштейнцы, норвежцы, финны, шведы и швейцарцы смогут выбирать себе любое место для жительства, приложения труда, помещения сбережений, проведения отдыха. Государства, вошедшие в ЕЭП, устанавливают единые правила для пересечения его границ извне, будь то люди, товары или деньги. Разделение на «своих» и «чужих» отныне доминирует в подходе Западной Европы к «бедным родственникам» на Востоке и к конкурентам в лице США, Японии, государств Юго-Восточной Азии.

Соглашение о ЕЭП — шедевр дипломатического торга между партнерами. Тщательно взвешивалось буквально все — от интересов Франции и Швеции в вино-торговле до разногласий Великобритания и Лихтенштейна в банковском деле. Например, исландцы хотели оградить свои рыбные богатства от флота ЕС, исландцы требовали доступа в воды Исландии в обмен на снятие таможенных пошлин на исландские дары моря. Греки настаивали на беспрепятственном транзите их грузовиков через Альпы, а австрийцы и швейцарцы хотели по экологическим соображениям резко ограничить его,

заменив железнодорожными перевозками. После бури протестов, обвинений и обид удалось найти компромиссные развязки.

Показательно, что Австрия, Швеция, Финляндия и Швейцария тут же поспешили направить в Брюссель просьбы о получении полного членства в ЕС. В этом есть логика: ЕАСТ себя исчерпала, а Сообщество давно стало главным мотором экономического и иного развития в Европе. Соглашение о ЕЭП фактически на 70–80 процентов равно членству в ЕС, поэтому оставшиеся 20–30 процентов можно считать сравнительно быстро (к 1995 году, по оценке председателя Комиссии европейских сообществ Жака Делора). Горюпы не хотят отстать от европейского поезда, понимая, что ЕС предпочитает расширяться за счет группы государств одного уровня. Поэтому участникам ЕАСТ нужно действовать сообща и немедленно, иначе можно оказаться в зале ожидания для восточноевропейцев, исторически опоздавших к последнему звонку в нынешнем тысячелетии.

Мрачная перспектива попасть в компанию «бедных и больных» смущает и Норвегию, которая долго чесала в затылке. Зато Исландия заявляет, что с нее довольно ЕЭП и ... запасов трески в водах вокруг острова. Нет сомнений, что ЕАСТ прикажет долго жить, слившись (точнее, влившись) в ЕС. В единой Западной Европе жизнь главным образом будет регулироваться 49000-страничным сводом законов и правил Сообщества.

Но в последние месяцы вера в спра-

ведливость и действенность Европейского кодекса была поколеблена. Причина — сомнения по поводу маастрихтских соглашений о превращении ЕС в блок государств с единой политикой безопасности, с единым денежным обращением. Сейчас члены Сообщества заняты выяснением внутренних отношений, что, конечно, осложнит процесс интеграции новых государств.

Противоречивые результаты референдумов в Дании и Франции заставляют заново взглянуть на проблему учета мнения населения в Швеции и Швейцарии, где власти заранее пообещали провести аналогичные плебисциты. В обеих странах пока превалирует негативное отношение к супер-Европе. Так, 61 процент шведов против валютного и 54 процента — против политического союзов, являющихся сердцевиной Маастрихта. Швейцарцы вообще склоняются к мысли, что им вполне достаточно одного ЕЭП.

Правящие в Норвегии социал-демократы приняли решение о подаче заявки в ЕС, хотя участи их лидеров, как здесь принято говорить, «похолодели ноги». Удивляться не приходится, ибо в 1972 году затеянный по этому же вопросу референдум не поддержал вхождение в Общий рынок, но породил раскол в стране. Стойко держится взятая линией только Австрия, после объединения Германии и начала войны в Югославии осознавшая преимущества тесной европейской компании.

Важным моментом в новой ориентации Стокгольма, Вены, Хельсинки и Берна является их отход от политики нейтралитета. Швеция, Австрия и Финляндия, кажется, готовы вовсе расстаться с ним, считая, что после распада Организации Варшавского договора и СССР им следует пристать к западному берегу. Швейцария занимает более осторожную позицию, хотя и делает шаги в сторону от традиции «гордого одиночества». Однако перспектива образования военного блока вызывает весьма серьезные сомнения в данных государствах. Никто не берется предсказывать, как пойдет дискуссия, когда разговоры о «европейской идентификации» сменяются обсуждением конкретных условий участия в постмаастрихтском союзе.

Возможно, верх возьмет исторически укоренившаяся осторожность малых стран перед наднациональными структурами. Но более вероятно, что пугающие процессы внутри бывшего Советского Союза и на Балканах побудят сомневающийся искать убежище в крепости «Европа», отгородившейся от современных гуннов.

Александр Полухов  
соб. корр. «Нового времени»  
СТОКГОЛЬМ



Удастся ли европейцам преодолеть все сложности на пути к единству?

Рисунок из газеты «Интернэшнл геральд трибюн» (США)

### «Сбои в здравоохранении — это всегда могильные холмики», —

**С**енсация была как будто специально для бойких мальчишек — продавцов газет: у министра здравоохранения — сердечный приступ, чуть ли не инфаркт. Он отстранен с поста указом президента без объяснения причин. Сам Андрей Иванович Воробьев, теперь уже бывший министр, узнал обо всем этом от жены, а она — из телевизора.

Потом оказалось, что приступа вовсе не было. Но что еще интереснее — исполнять обязанности министра до назначения нового попросили... снятого.

Я попыталась задать Андрею Ивановичу несколько вопросов, касающихся этой странной истории. Но услышала, что все это настолько ему неинтересно... Что момент настолько острый... Что столько дел...

#### Капли для бабули

— Андрей Иванович, удалось вам что-то сделать на посту министра или не удалось?

— А все удалось, что можно было сделать за год. Перед здравоохранением стояла задача: выжить, сохраниться. Она выполнена. Атрибуты должности министра меня абсолютно не интересуют. Я пришел не для того, чтобы что-то получить, а только для того, чтобы что-то сделать. Пришел тогда, когда могла быть уничтожена Академия медицинских наук, что было заявлено официально. Когда должны были «полететь» институты, в частности наш. Я пришел сюда спасать то, что можно спасти. И знал, что с первого и до последнего дня будет атака.

Но вот вам факты: коридоры Минздрава пусты, ходоков нет, просителей тоже, жалоб на отсутствие возможности лечь в больницу не поступает, просьб «устроить» куда-то нет. А лекарства в аптеках есть. И все еще сравнительно недорогие. Пусть подорожают еще в несколько раз — это неизбежно, коль началась конвертация рубля, лишь бы были. Везде за рубежом лекарства очень дороги.

— Но вы же не поменяете в один день сознание бабули, которая вчера покупала глазные капли за две копейки, а сегодня должна за них выложить около десятки. Хотя и это не деньги, и пенсия у нее возросла, но сознание-то не изменилось. Для нее это дорого.

**сказал  
отставной,  
но  
действующий  
министр,  
академик  
Андрей  
ВОРОБЬЕВ  
в беседе с  
обозревателем  
«Нового  
времени»  
Юлией  
РАХАЕВОЙ**

Так вот, не будет ли она, не покупая того, что ей необходимо, ухудшать свое здоровье?

— Не будет. Заболят глаза — купит. Кстати, очень уж дорогие лекарства выдаются бесплатно больным в стационарах, а также еще трем десяткам категорий граждан по тяжелым заболеваниям.

— Вчера мне позвонили друзья, продиктовали пять или шесть наименований лекарств, нужных как раз человеку, находящемуся в больнице. Они ему показаны, но там их просто нет. Как я себе представляю, все они не из дешевых...

— Оплата лекарств для больниц индексируется. Параллельно с повышением цен больницы получают больше денег. И потребление лекарств в больницах упало лишь на 0,4 процента — то есть фактически осталось неизменным — в сопоставимых ценах.

Дефицит средств и лекарств, как и покупка лекарств пациентами, к сожалению, в нашей стране существовали всегда. И да-



**Андрей Иванович Воробьев** — удивительный человек. Детдомовец, у которого отец был расстрелян, а мать много лет провела на каторге, он все-таки умудрился стать врачом. Вопиющая семейственность: закончил, как и отец, знаменитый Первый московский медицинский институт имени И.М.Сеченова. Там же учился его сын (правда, ныне учебное заведение гордо именуется академией).

Сегодня Воробьев — известный терапевт, крупнейший в мире гематолог, директор гематологического центра. Естественно, профессор, доктор медицинских наук, академик РАМН.

Любит литературу, готов часами говорить о ней, без конца цитируя. Любит музыку. Прекрасно знает историю России.

Никогда не был членом КПСС, но по взглядам социалист.

Приняв в свое время клятву Гиппократу, Андрей Иванович и на посту министра руководствовался главной заповедью настоящего врача: «Не навреди». Отсюда, видимо, отсутствие революционных шагов, шашка наголо — не его оружие.

вайте сегодня отсчитывать не от должного, не от сравнения с благополучной Америкой, а от ноября 1991 года, когда все кончалось. В январе 1992 года нам дали едва половину требуемого бюджета. А поскольку наша медицина все еще бюджетная, а не страховая, то ей грозила катастрофа.

## Неработающий закон

— Но почему же до сих пор не вступил в действие закон о медицинском страховании? Ведь он, кажется, принят?

— И довольно давно, еще до моего прихода на этот пост. В нем, правда, есть ряд ошибочных позиций, введенных Комитетом по здравоохранению, но это все-таки мелочи. А не ощущаете его действие вы потому, что неизвестно, где брать деньги под этот закон.

— То есть это один из тех многочисленных законов, что хороши, да почему-то не работают?

— Именно потому, что все они, как правило, не обеспечены деньгами. Мы предложили взять деньги из пенсионного фонда. Пенсионный фонд — это почти сорок процентов от фонда зарплаты в стране, а его распределяет маленькая группа людей.

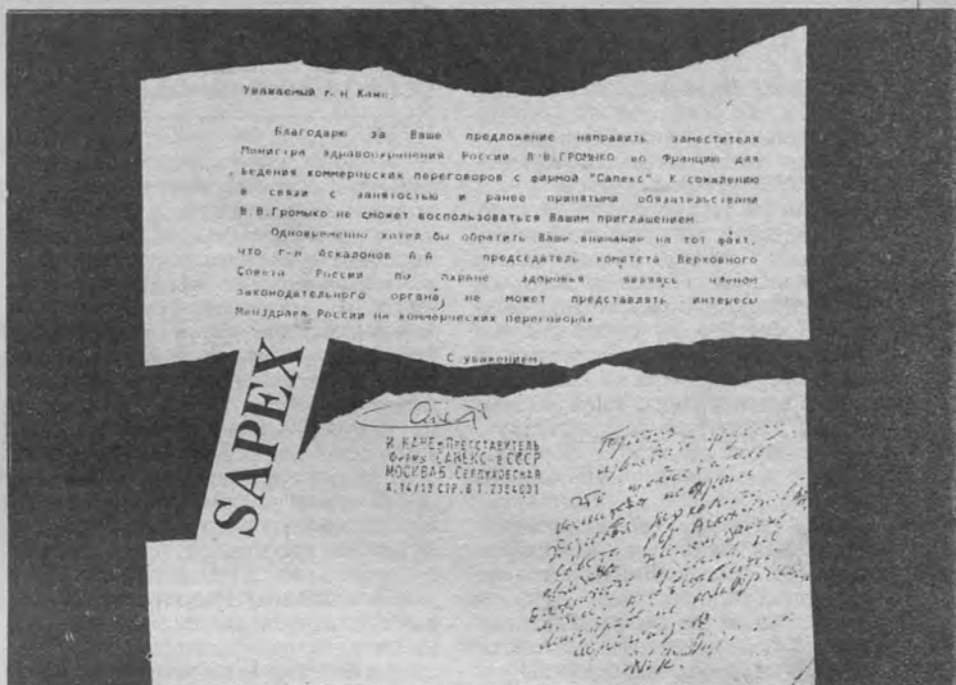
Почему эти деньги ушли в Верховный Совет? Потому что он — законодатель. Ну что ж, эти законодатели принимают законы, по которым еще недавно имели собственную охранную гвардию, имеют собственную медицину. В руках этих людей огромные деньги обращаются неизвестно где, неизвестно под чьим контролем, а главное — неизвестно зачем. А ведь это сотни миллиардов — сумасшедшие деньги!

Вот сейчас удаивают пенсии. На самом деле, речь идет о финансовом взрыве страны, который, я не знаю, как она перенесет. Но, когда всюду хаос, это ведь очень удобно: можно давать деньги в рост, зарабатывать доллары, что, вероятно, и делается, иначе непонятно, зачем все это. Эти деньги на страхование не дают. А где их взять? Повысить налоги с доходов предприятий? Но как только вы увеличиваете налоги — увеличивается себестоимость продукции этих предприятий. Все товары станут еще дороже. Соответственно надо поднять зарплату. Результат — новый, довольно тяжелый виток инфляции.

## Страхуются все!

— А есть ли у нас ориентиры в мире? В смысле, делать бы медицинское страхование с кого?

— Весь цивилизованный мир, кроме Америки. Система американского страхования абсолютно для нас неприемлема. Да и сами американцы ее бросят, вероятно, в этом



В этом документе представитель фирмы «Сапекс» в Москве Иван Кане просит министра здравоохранения включить в состав делегации, возглавляемой господином Аскалоновым, господина Громыко для поездки в июне 1992 года во Францию сроком на 10 дней для проведения коммерческих переговоров в рамках конверсионного проекта производства аппарата «простатрон» в России.

В своей резолюции, а также в ответе представителю фирмы Андрей Иванович Воробьев обращает внимание на тот факт, что председатель Комитета ВС по охране здоровья Аскалонов, являясь представителем законодательного органа, представлять интересы Минздрава России на коммерческих переговорах не может.

или следующем году. Ведь тридцать процентов американцев не застрахованы, люди болеют прямо на скамейках. В Вашингтоне и Нью-Йорке нищих и брошенных людей можно встретить через каждый километр. Так зачем нам эта система? Мы что, с ума посходили? Забыли, из-за чего была революция? Или это действительно был лишь перелом, организованный двумя евреями?

— А сейчас нас пытаются убедить именно в этом...

— Есть цивилизованная форма медицинского страхования, которая у нас будет. Для всего мира она связана со словом «социализм». За образец везде взята наша медицина, которую во Всемирной организации здравоохранения считали образцовой. Но платить будет богатый за бедного. Предприятия будут отчислять деньги за работающих, а за неработающих будет платить бюджет. Эти деньги будут перемешиваться в фонде здравоохранения или в фонде страхования — с фондами надо разбираться. А дальше деньги будут поступать в страховую компанию, которая и будет финансировать лечебно-диагностический процесс. Вас будут страховать не по вашей воле, а автоматически.

— То есть вы считаете, что стопроцентный охват страхованием — дело возможное?

— Единственно возможное в на-

шей стране с ее в общем-то социалистической моралью.

— Какие сроки всему этому вы отводите?

— Немцам потребовалось сто лет, чтобы достичь того, что они имеют. У нас все будет короче, но возникнут большие сложности в связи с нерентабельностью предприятий, с отсутствием средств. Страховая система должна вводиться при неизменном бюджетном финансировании. Она должна плавно вписаться в уже имеющуюся систему, а не отменить ее. Если пойдет подмена — будут грубые сбои. А сбой в здравоохранении — это всегда могильные холмики.

— Можно ли сегодня говорить о плавности чего-либо?

— Мы обязаны это сделать. Сегодня вы не назовете ни одного показателя, который бы ухудшился по вине здравоохранения. Да, растет венерическая заболеваемость, растет вшивость — очень стыдно, но медицина не может нести за это ответственность, это явления, скорее, социальные. Инфекции не растут. Кишечные инфекции резко снизились. Растет только дифтерия, но и это на совести телевидения и прессы, которые организовали национальную кампанию по травле прививок. Теперь расплачиваемся смертями и ростом заболеваемости. Конечно, это не сни-

мает ответственности и с врачей...

## Рожать или не рожать?

— Уменьшение рождаемости — это тоже чисто социальное явление?

— Если наши женщины и мужчины решают сегодня попридержаться рост семьи, может быть, мы оставим их в покое? Кто советует, пусть и рожают. Мы развалили деревню — основной источник поступления населения. А в городах везде мало рожают. Вон, в Германии едва-едва вышли на плюс, а то всегда был минус, это при одной из самых благополучных экономик. Айнкиндиستم!

— Вы считаете, если жизнь и изменится к лучшему, взлетит рождаемость все равно ждать не приходится?

— В Дании — отрицательная рождаемость. А ведь более благополучной страны не найдешь!

— То есть сегодняшняя экономическая ситуация не создала это положение, а просто его усугубила?

— Рождаемость упала в 1987 году. Какие-то стрессы у нас в это время были? Все были уверены в прочности и незыблемости государства, Горбачев нам обещал перестройку и ускорение, в магазинах была дешевая еда, в аптеках — медикаменты, еще по тем ценам. Ежегодно государство добавляло по 16 миллиардов рублей, для того чтобы медикаменты были дешевыми. Продавая для этого без стыда и совести нефть.

Мы жили в долг, но были довольны.

## Если тебе законодатель имя...

— Андрей Иванович, существует любопытный документ с очень резкой вашей на нем резолюцией. Речь там идет о просьбе одной посреднической фирмы направить в поездку на коммерческие переговоры вашего заместителя Василия Громыко в составе делегации под руководством председателя Комитета по здравоохранению ВС Артура Аскалонова...

— Подобные вещи противопоставлены сотрудникам министерства, не говоря уже о законодательном органе. Я вовсе не против Верховного Совета, я против тех людей, кто, пользуясь его маркой, привозит нам контракты из-за границы, не имея к этому никакого отношения, кто ездит туда по приглашениям фирм и за их счет. По ряду контрактов Минздрав и ВС занимают полярные позиции, да нам их просто нечем оплачивать!

В качестве контраргумента я постоянно выслушиваю одно и то же: министр не желает добра своему народу. Но разве неизвестно, что министр принял дела, когда был арестован Внешэкономбанк? Может быть, этого кто-то не знает? В «Правде» меня как бы цитирует Аскалонов и говорит, а газета печатает, что Воробьев сказал о страховой медицине: мол, зачем это все надо? И хоть бы корреспондент позвонил мне по телефону и спросил! Министр проводит через правительство сложнейшее решение, связа-

нное со страховой медициной, — и вдруг, оказывается, он же говорит: зачем нам это нужно!

По сути, дело даже и не в газете. Это все одни и те же люди: те, кто заключает дорогостоящие и невыгодные для страны контракты, те, кто организует и поддерживает абсолютно аморальные забастовки врачей, и те, кто инспирирует соответствующие кампании в прессе. Все это идет от верхушки Комитета по здравоохранению ВС, причем я не имею в виду весь комитет, там есть порядочные, культурные люди. Но они, к сожалению, большой роли не играют.

## Лучше свой ВПК, чем чужой «Филипс»

— Наш журнал уже писал о контракте с фирмой «Филипс». Видимо, это один из тех, о которых вы говорите. Вы что же, продолжаете бороться с уже заключенным контрактом, как Дон Кихот с ветряными мельницами?

— А я не борюсь. У меня есть письменное указание Гайдара: пересмотреть контракт. Я просто не плачу денег, которых у меня нет.

— Но не придется ли платить куда большие деньги за нарушение условий контракта?

— Думаю, что нет. Потому что существует такое понятие, как «форсмажор». Оно предполагает пересмотр контракта в условиях серьезных финансовых реформирований в стране. А у нас сегодня даже не кризис — суперкризис. Да и что, собственно, может произойти? Они потребуют отступного, и мы не получим оборудования. А альтернатива



Рисунок Марата Таурова

какая? Я им должен заплатить деньги, которые сегодня идут на лекарства. Кто-то хочет, чтобы мы покупали не лекарства, а замечательные рентгеновские аппараты. Плюс линейные ускорители, которые нам просто не нужны, потому что у нас есть свои, хотя и чуть хуже.

А еще, согласно контракту, мы должны покупать маммографы и ультразвуковую аппаратуру, хотя все это также выпускаем. Допустим, я подписал оплату этого контракта. Значит, я вычеркнул покупку медикаментов. Без импортного рентгеновского аппарата можно прожить и год, и два, имеющиеся у нас позволяют еще долго-долго работать.

— Мне кажется, за вашим нежеланием заключать подобные контракты стоит нечто большее, чем просто предпочтение более совершенной технике остро необходимых лекарств. Не может ли случиться так, что из-за лоббирования со стороны тех сил в Верховном Совете, о которых вы говорили, отношения инопартнеров с нашей медициной будут принимать все более и более колониальный характер и что в результате она попадет в полную зависимость во всем, начиная от сложных приборов и запчастей к ним и кончая элементарными предметами санитарии и гигиены?

— У нас много кулденных за рубежом, частично или полностью, технологических линий. Это нормально, в случае необходимости эту практику можно продолжать. А вот покупку приборов надо прекратить. Во-первых, то, что мы в состоянии купить, — это все равно вчерашний день. А во-вторых, подражаясь покупать готовую продукцию, мы создаем тем самым рабочие места в продающих странах и укрепляем их экономику. Нам надо ставить собственную промышленность!

На тот миллиард, что стоит вместе с процентами контракт с «Филипсом», можно поставить подотрасль, если не целую отрасль. Одна из важнейших — это лучевая техника, диагностическая и лечебная. Есть и хорошая база: компьютерный томограф и электроника для перехвата ракет примерно одинаковы, даже по существу. Сегодня, когда ВПК сидит без работы, он вынужден повернуться лицом к проблемам медицинской промышленности. Приемная просто ломится от просителей-оборонщиков с различными предложениями. Таким образом, объективно ситуация складывается в пользу создания национальной медико-технической индустрии.

## В Крыжополе, как в Москве

— Андрей Иванович, если бы только от вас зависело, то что бы вы

оставили себе и министерству, а чем бы щедро поделились?

— От меня многое и зависело, и эта линия проводилась все время. Я бы оставил себе контроль за соблюдением стандартов, которые вырабатывает министерство. За уровнем образования, за диагностическим процессом, за лечением. Это делается везде, где существует страховая медицина. Иного не дано: не может быть страховое обеспечение разным. А сегодня у нас это, к сожалению, есть. Сегодня у нас есть областная и даже районная медицина, по своему уровню. Основная идея здравоохранения одна — стандарт, единый для любого гражданина России, где бы он ни находился.

— Это невозможно напоминает научную фантастику. Россия — не Бельгия и не Дания, она слишком велика...

— А тогда давайте и не соваться в страховую медицину! Или мы вступаем в цивилизованное общество, или продолжим быть осетриной второй свежести. Хорошо доказано: правильное лечение дешевле неправильного. И я говорю это не как министр, а как старый профессионал.

— Но о каком стандарте может идти речь, если в Москве, например, сосредоточены многие замечательные институты — и учебные, и научно-исследовательские...

— Они не делают погоды.

— И все-таки в московском медицинском вузе, как правило, преподают академики, светила...

— Должен быть экзаменационный набор, по которому люди сдают экзамены. За рубежом нигде не интересуются: слушал ты лекции или нет. Наши эмигранты не спрашивают, где и у кого они учились. Им дают экзаменационный набор — и будь добр ответить. Ответил — получи диплом. Вот и все.

— Похоже, роль личности вы ставите не очень высоко?

— Выкиньте лирику! Я очень высоко ставлю лекционный курс, прочитанный хорошим профессором. Но есть формальный стандартизованный набор знаний, меньше которого студент не имеет права иметь. И есть объем медицинской помощи, меньше которого врач не имеет права оказывать. Это и гарантирует результативность мирового класса.

— А «золотые» руки хирурга?

— Есть кривые руки — и их надо из хирургии гнать! Есть хорошие руки — и им надо открывать дорогу. Есть золотые руки, но они делают первые в мире операции. Но, сделав первые операции, они их передают хорошим рукам и все начинают сначала.

## Конвейер — норма медицины

— Мы напрямую подошли к тому, что

есть нормативная база в здравоохранении.

— Должны быть жесткие нормативы на все. Так же, как изготовление, допустим, автомобиля подчиняется жестким законам, что и делает возможной конвейерную сборку, должны быть жесткие законы в медицине. Конечно же, есть то, что выше верхнего предела, но давайте сначала решим с нижним. Только тогда мы будем готовы к страховой медицине.

— Но как и что можно нормировать в медицине?

— Возьмем диагностику. Здесь можно нормировать критерии, по которым диагноз считается установленным. Поддается нормированию количество медикаментов и их качество при лечении конкретного заболевания. Естественно, при осложнениях может потребоваться что-то и сверх этих норм, но не надо нормативную базу превращать в идиотизм!

Должна быть программа лечения. Когда я приезжаю за границу и спрашиваю программу лечения болезни, мне сразу же показывают несколько протоколов. Такой-то — при таком состоянии, другой — при другом. И никогда не скажут: у нас принят... Или: наш профессор считает... За протокол врач отвечает головой. Если он его нарушил и больной погиб — врач идет под суд.

— А если не нарушил, но больной все равно погиб?

— Никаких претензий. Он погиб по закону.

— Ну а если бы больному не погиб лишь в том случае, если бы врач нарушил протокол? И фильмы такие есть: врач нарушил инструкцию — и спас жизнь больного...

— Все это очень интересно. «Девять дней одного года», Баталов, пересадки костного мозга. Я очень любил Михаила Ильича Ромма, чудного режиссера, но это плод фантазии.

\*\*\*

Андрей Иванович Воробьев стал первым в ряду снятых без объяснения причин. Президента не устраивала его концепция развития российского здравоохранения? Или, может быть, известный академик, прекрасный специалист оказался не на месте в кресле министра? До сих пор президент не «опустился» до разъяснений. И поэтому, боюсь, есть основания считать: атака, о которой в самом начале беседы сказал Андрей Иванович, завершилась победой тех сил, с которыми он боролся. В случае проигрыша они теряли все, а потому оказались настойчивее. И ближе к уху президента...

# Где вы, двенадцать присяжных?

Вячеслав Басков

**У**стами народного судьи глаголет истина. Он самолично приговаривает другого человека к наказанию — и не одного за всю жизнь, а по несколько человек в день. Он стоит у конвейера. Мне могут возразить, что судья делает это отнюдь не один — по обе стороны от него сидят, набравши в рот воды, народные заседатели, представители народа. Но заседатели посидели и ушли, да и что они смыслят в тонкостях юриспруденции? «Трудовые коллективы» мобилизовали их на две недели в суд, потому что они хорошие люди, честные. Закон предоставляет заседателям право задавать вопросы — часто ли вы встречали говорящих заседателей? Так что вся тяжесть приговора — на одном судье.

Легко ли жить с сознанием, что ты отправил человека в тюрьму или приговорил

**Время «троек»  
прошло, но  
остался  
судебный  
конвейер,  
которым  
управляет  
добросовест-  
ный  
рабочий,  
молодой и  
красивый  
собой**

к расстрелу? Одному, наедине с собой, такую попытку, кажется, не снести.

## Мудрые

Дискуссия о суде присяжных заглохла. Между тем именно с нее шумно началась перестройка. Это было то самое болезненное место общества, которое требовало немедленного лечения. Поговорили, убедились, что от государства слишком много захотели, представили, что тогда в жизни не останется места для подвига, — и умолкли.

И вот на смену судьям старой закалки пришла молодежь. Много молодежи. О, это очень стойкие молодые люди! В соответствии с законом о статусе народных судей СССР судьей может стать человек, достигший 25 лет. Я прошел по судам и поговорил с несколькими молодыми судьями — как им судится?

— Очень легко, — говорит судья Андрей Каламаев, которому 26 лет.

— Нормально, никаких проблем, — говорит Елена Вальчук, молодая женщина лет 25.

Эти судьи рассматривают уголовные дела в Гагаринском народном суде Москвы. Они очень красивые, спокойные. Одежда их проста, скромна, нарядна и не нарядна: все вещи новые или смотрятся как новые, но без крика. Они не испытывают никаких затруднений с вынесением приговоров. В их работе главное — факты и доказательства. Основное подспорье в их работе — уголовный кодекс, где уже все про всех нас написано.

Более обстоятельная беседа состоялась у меня с 32-летним членом Московского городского суда Андреем Громаковым. Поразительно четко излагает свои воззрения этот молодой судья. Все по делу. Без случайных слов. О себе он рассказал так,



Рисунок Александра Зудина

словно бы читал приговор или прекрасно отредактированную книгу. Вся жизнь Андрея прошла в суде: он пришел в систему сразу после школы, работал секретарем. Судьям стал после окончания института в районном суде, в 1991 году депутаты Моссовета утвердили его членом Московского городского суда.

У него уже семилетний опыт судейства. Он ощущает себя профессионалом. На судей у нас действительно нигде не учат. Почти каждый секретарь суда учится в юридическом и мечтает стать судьей.

Андрей Громаков подчеркивает, что суд в его понимании — это некое возвышение в зале и на этом возвышении — судья, чье слово не оспаривается, все смотрят на него снизу вверх. В гражданском судопроизводстве слово судьи не имеет такой решающей роли, как в уголовном процессе, поэтому Андрей любит уголовный процесс. При рассмотрении гражданских исков судья до заседания уже неоднократно встречался с истцом и ответчиком, он пробовал их мирить, стороны даже знают его имя-отчество. Судью там могут перебить, при слушании гражданских дел из зала иной раз доносятся крики, ругань. Андрей Владимирович всегда представлял суд так, как описал: зал — возвышение — судья, слову которого участники процесса не смеют перечить.

В свои 32 года Андрей Владимирович выглядит моложе своих лет. Изящны его черты, он изысканным литературным языком, строит предложения, даже сложные, совершенно правильно и, подходя к концу фразы, не забывает, с чего начал. У него обаятельная улыбка. Улыбается он очень часто. Но улыбка несколько холодная, как у замороженного мальчика. Кая из сказки о снежной королеве.

## Справедливые

Противоположность Андрею — Светлана Цыганкова, народный судья Сокольнического района. Она специализируется как раз на гражданских делах. Ее сфера — квартирные драки, разводы, раздел имущества, восстановление на работе...

Светлана Михайловна круглолица и свежа. Когда она улыбается, хочется смеяться. Только она сама почему-то не смеется. Речь Светланы безупречна в литературном отношении. Она не подыскивает более точного слова взамен уже сказанного.

Она рассказывает о приходящих в суд не с высоты судейского кресла, а как о близких людях — об одних узнается душно («Не понимаю, что она в нем нашла!»), о других, наоборот, тепло («Когда она все это рас-

сказывала, мы обе плакали!»). Ценность ее как судьи начинаешь особенно хорошо понимать тогда, когда узнаешь, что законодатель уклонился от составления статей на все случаи жизни. Конечно, в гражданском кодексе есть статья о разделе имущества, но там не написано, что кровать должна остаться мужу, а трельяж — жене. В своей работе Светлана часто руководит судебной практикой.

Приговоры, которые выносила Светлана, опротестовывались только два раза, и, похоже, несправедливо. На одном из семинаров судебный деятель, которого Светлана не знала, даже упомянул ее приговор, впоследствии отмененный, как пример несправедливости в отношении судьи. То есть Светлана оказалась права.

## Случай из судебной практики

Все мы немножко судьи и когда-нибудь пытались вмешаться в чужие отношения. С годами мы это делать перестаем. Профессиональные судьи до старости наивны. За что и получают зарплату.

Одна супружеская пара развелась, у них девочка, очень больной ребенок. Светлана Михайловна Цыганкова с заседателями присудила ребенка матери. Такая уж судебная практика, хотя конституция провозгласила равенство мужчины и женщины.

Мать-одиночка отдала девочку в детский сад. Приходит однажды она за ребенком, а воспитательницы показывают ей расписку отца: дескать, взял девочку под свою ответственность. Оказывается, отец-одиночка возмутился тем, что его бедная дочка брошена на чужие руки, и отвез девочку к себе домой, под надзор бабушки.

Два года тянулся раздел ребенка — отец отказывал матери в свиданиях с дочерью, просил лишить ее материнских прав.

Однажды мать, лишенная дочери, в очередной раз явилась во двор дома своего бывшего мужа. Встретить дочурку она не рассчитывала, так как два года девочку не выпускали гулять — она прохаживалась по балкону. А в этот раз она застала бывшего мужа и дочь вместе: отец привез дочурку из школы на своей машине. Мамаша подбежала к машине, отворила заднюю дверь и только успела просунуть голову в кабину и произнести: «Доченька!» — отец обернулся, увидел ненавистную, включил мотор, ненавистная ухватилась за окно передней двери, отец тотчас поднял стекло и защемил ей пальцы. А машина уже поехала! И так она проволочила мамашу несколько метров по асфаль-

ту. Завели уже уголовное дело.

Однако до публичного рассмотрения дело не дошло. Бабушка оказалась родом из немцев. Сына и внучку она хотела было отправить в Германию подальше от невестки и приобрела даже туристическую путевку, но народный суд обратился в германское консульство с просьбой не выдавать визы человеку, за которым числится уголовное дело. Тогда бабушка сделала гостевую визу. Сын с внучкой выехали в гости — и остались в Германии навсегда. На этом суд окончился.

## Одиночество

Трудно утверждать, что если бы это сложнейшее дело рассматривал суд присяжных, то первое же его решение родителей примирило или как-то разрядило бы ситуацию. Но кому понадобилось бросать в эту бурю страстей человеческих одного судью, который к тому же руководствуется неконституционной «судебной практикой»? Тут разучишься смеяться. А таких дел у Светланы Цыганковой — каждое. И она вынуждена дописывать эпилог романа из жизни — одна. А герои ее не слушаются. В суде крутятся в основном одни и те же люди, они накопили новые доводы в защиту своих интересов, приходят «судиться» второй раз, третий... Советская «судебная практика» никуда не годится.

И Андрей Громаков, молодой человек с блестящим будущим, — один на один с уголовными преступниками. И Елена Вальчук, и Андрей Каламаев... Молодежь со стальными нервами. Достойная смена нашим бывшим судьям, многие из которых и на пенсии спят спокойно, без кошмаров. У них одно утешение: это наша работа, наш, так сказать, конвейер.

Суд присяжных мог бы вернуть молодость, которая бывает в жизни только раз, нашим молодым судьям. Начать им раньше времени превращаться в многомудрых старцев? Почему судья России должен быть непременно выкован из стали?

## Дефицит

— Ничего подобного. Это наша профессия. Судья выбирает себе профессию добровольно. В душе судьи нет страданий, о которых вы говорите. Это его профессия! Врач тоже делает больному больно — режет его скальпелем. Представляет, что было бы, если бы врач вместе с больным охал и ахал? — говорит мне председатель Сокольнического народного суда Надежда Михайловна Гордеева.

Надежда Михайловна много лет работает судьей, но могла бы сниматься в кино, такая она красивая.



Рисунок Марата Таирова

Речь ее в литературном отношении безупречна. Она не поправляет себя: она произносит только нужные слова. Ее фразы построены неказенно.

— После операции больному часто становится лучше, — возражаю я. — А после суда человек отправляется в тюрьму.

— Нет, — говорит, не возвышая голоса, Надежда Гордеева, — врач лечит больного, а судья — все общество. Он освобождает общество от дурных людей. Почему вы так заботитесь о подсудимом и совершенно не говорите о потерпевших? Когда дело слушаю я, ставлю себя на место потерпевшего.

— Но быть судьей так трудно. Эта тяжесть на душе...

— Нетрудно. Это профессия. Зачем девять или двенадцать присяжных в деле, которое яснее ясного? Вот вор, вот в его руке чужой чемодан. Зачем тут суд присяжных?

— Но этому человеку грозит тюрьма, лагерь.

— Он мечтает туда вернуться, это его дом родной.

Надежда Михайловна согласна, что суд присяжных должен быть, когда приговор обещает «вышку». Но где взять вагон заседателей в каждый судебный зал? Тут летом в Москве была чуть ли не забастовка судей из-за дефицита двух заседателей. На дверях почти всех народных судов вывесили такое рукописное объявление: «С 1 июня 1992 года в

связи с отсутствием народных заседателей прекращается прием исковых заявлений по гражданским делам и останавливается работа по рассмотрению гражданских дел».

О каком суде присяжных говорить в такой ситуации!

## Туда, в мир иной

И все-таки время судебных «троек» прошло, их должен сменить цивилизованный суд присяжных. Если из наших молодых юристов все еще можно делать гвозди, честь им и хвала. Но присяжные нужны обществу, о котором так незаметно заботятся «тройки». Уже много лет ответственность за криминальную ситуацию дежурно возлагают на милицию, прокуратуру, суд. Когда бы появился суд присяжных, ответственность эту разделили бы все мы.

Присяжные нужны и подсудимым — самым виноватым из виноватых, схваченным за руку с поличным. Я заглянул в один из залов в Сокольниковском народном суде — оттуда понесло тоской и унынием. На возвышении трое людей, трое за столом под возвышением, парень на скамье подсудимых и возле него рослый солдат с погонами «ВВ». Места для публики были пусты. На скамье подсудимых я увидел отпечатавшегося преступника, смотревшего цинично, его глаза смеялись. Его скамья не подавляла, это было его родное место, он всей душой ждал приговора, устремился в лагерь, к своим ребятам, в свою жизнь. Но, скажите, чем его могла привлекать эта жизнь: в зале не было ни род-

ственников, ни знакомых. Туда, в мир иной, этого парня провожали семеро облеченных государственным заданием людей: судья, два дефицитных заседателя, прокурор, адвокат, секретарь и часовой.

А если бы в зале сидели двенадцать граждан, жителей Сокольнического района, женщины и мужчины — офицер, пенсионер, инженер, артистка, продавщица, токарь, слесарь, пекарь, лекарь и три домохозяйки, — то парень не прощался бы с этой жизнью так равнодушно и зло. Ему бы сказали человеческие слова, пусть запинаясь и волнуясь, но от души. Двенадцати это сделать проще, чем одному судье, каким бы он ни был душевным человеком. Судебные «тройки» вошли в нашу жизнь в ту пору, когда засуживать человека было делом обычным. Шел поток, заключенных поставили на конвейер. Но сейчас-то, сейчас — другие времена! Отчего же суд не только остался в 30-х, но и кует для своей патологической системы новые кадры образцово-показательных судей?

\*\*\*

Нет, все-таки наша судебная система недооценивает роль людей в жизни человека.

Система полагает, что она саморасчерпаема и ее устами глаголет истина истин. Она даже не связывает уголовный мир с нашей жизнью, она, скорее, вписана в тот мир. Если уж вдаваться в юридические тонкости, то непонятно, как суд слился с правоохранительной системой — судебная система независима и самостоятельна. Даже ее привязанность к системе юстиции, которая руководит ею наравне с Верховным судом, выглядит странновато. А то что судей утверждают депутаты горсовета, то это вообще из области экстраасенсорики.

Без суда присяжных вся судебная система превратилась в чисто карательную, поскольку в уголовном законодательстве нет ни одной статьи, которая не предусматривала бы наказания — редко штраф, чаще срок. Суду необходимы живые люди, которые знать не знают статей закона, а способны ответить только — виновен человек или нет. Судья мыслит наоборот: он сразу квалифицирует действия человека в соответствии со статьей, ему обстоятельное рассмотрение дела нужно для того, чтобы определить, подпадает поступок под такую-то статью или, может, под другую.

Такой суд — отличное орудие на черный день. В этой закрытой от мира системе человек даже может сгинуть ни за что ни про что, просто потому, что угодил на конвейер, которым управляет добросовестный рабочий, молодой и красивый собой.

# В шесть часов вечера во Фрайбурге...

Ирина Млечина

**И**з двух встреч с Альфредом Андершем реальной, осязаемой и «при свидетелях» была, собственно, только одна: в маленьком старинном немецком городке Фрайбурге, неподалеку от швейцарской границы. Было это в октябре 1976 года, точный день я не помню, а вот время помню — в шесть часов вечера.

Находясь в те дни в ФРГ, я из уличного телефона-автомата в Штутгарте позвонила Андершу в Швейцарию. Слышимость была лучше, чем если бы я из своей московской квартиры звонила, например, в Мытищи.

## Внутренний монолог в кафе

Отозвался приятный сдержанный баритон, почему-то немедленно идентифицированный мною как голос Андерша, которого я до тех пор никогда не слышала. Это был действительно он, как писали в старинных добротнореалистических романах.

Волнуясь, я сказала примерно следующее: я такая-то, приехала из Москвы, перевожу его роман «Винтерспельт», у меня куча вопросов по тексту и я хотела бы задать их лично. А вообще я читала все его книги и очень хотела бы встретиться. На другом конце провода возникла короткая пауза, в ходе которой я услышала шуршание бумаги (возможно, переворачиваемых листов календаря). Потом Андерш сказал:

— Послезавтра вас устроит? Дело в том, что назавтра я записан к своему врачу и поеду к нему в Базель, а послезавтра я свободен. Не могли бы вы приехать к шести вечера во Фрайбург, скажем, в гостиницу «Виктория»? Это удобно, у самого вокзала.

С помощью любезных своих немецких друзей и попечителей я изменила свой маршрут и уже днем была во Фрайбурге, этом прелестном южнонемецком городке. Впрочем, есть ли в Германии хоть один не прелестный маленький городок? Я вошла в отель «Виктория», села за столик, заказала кофе и стала ждать.

И вдруг за одним из соседних столиков я увидела знакомое лицо. Нет, это был не Андерш. Для германиста, всю жизнь занимающегося немецкой литературой и знающего если не лично, то по фотографиям на суперобложках книг и на газетных полосах едва ли не всех сколько-нибудь известных литераторов, наступил поистине звездный час. Мало того что в отель «Виктория» с минуты на минуту должен

был прибыть Альфред Андерш, в нем уже сидел, спокойно и меланхолично покуривая трубочку, Зигфрид Ленц: такой же светлоглазый, светловолосый и флегматичный, как на своих фотографиях. В полном одиночестве он неторопливо потягивал нечто из высокого бокала.

Сердце мое заколотилось в непривычном и странном ритме — может, у меня началась мерцательная аритмия? Мне хотелось подойти к Ленцу и сказать: «Господин Ленц, хотя я и не перевожу на русский ваш очередной роман, выходящий в Москве, но я пишу к нему предисловие, я писада о вас статьи, я рецензировала ваши книги, я прочитала от корки до корки все тома ваших сочинений, и едва ли во всей Германии у вас нашелся бы более внимательный читатель!»

## Убить рецензента

Разумеется, все это было произнесено в форме столь любезного тогдашней литературе внутреннего монолога, без всяких признаков внешнего.

Пока я предавалась экзотическим мыслям, в обычной жизни свойственным мне не больше, чем нордически уравновешенному Ленцу, взгляд его элегически скользил по залу, не задерживаясь на персоне нездешней наружности, чьи экстрасенсорные импульсы были явно слишком слабы.

Он не подозревал, что странная дама, лихорадочно перебирающая какие-то бумажки, — критик, да еще германист. А она не знала, как он относится к критикам-германистам, хотя и подозревала, что без особой теплоты. Ведь не жаловал же их, к примеру, Гёте, воскликнувший согласно преданию: «Бейте его, собаку, это рецензент!»

Ну, может, Ленц так прямо и не призвал бы почтенных посетителей «Виктории» наброситься на «собаку-рецензента», но что-нибудь мало симпатичное подумать бы мог.

И потому, чтобы не запугать знаменитого писателя своей германистической экзальтацией, я тихо пила кофе и молила бога, чтобы поскорее прибыл поезд из Цюриха. И в этот самый момент, как опять же писали в добротных и незатейливых старинных сочинениях, в дверях показался он. Невысокий, сухоощавый, седеющий человек в очках. Если я сразу узнала Ленца, могла ли я не узнать Андерша!



Прекрасному немецкому писателю Альфреду Андершу не очень повезло с переводами на русский. Изданы только его роман «Винтерспельт», повесть «Отец убийцы», рассказы. Все остальное, начиная с биографического эссе «Вишни свободы», которое произвело такое сильное впечатление на читающую Европу, еще ждет российского издателя



Зигфриду Ленцу повезло больше. Его много переводили в России, название одного из его наиболее популярных романов — «Урок немецкого» — стало символическим

Человек лишь тогда бывает свободен,  
когда принимает свое решение

Андерш, сняв плащ и оглядевшись, молниеносно вычислил меня: видимо, по напряженному лицу и груде листов на столе. Он сразу подошел, представился, сел рядом. Не успел он назвать себя, как Зигфрид Ленц, сидевший спиной к двери, вскочил и с прытью, находившейся в явном противоречии с его меланхолическим обликом, бросился к Андершу. Они изумленно обнялись. А для меня это было что-то вроде неожиданного свидания Шиллера и Гёте. Всеблагое явно проявили любезность, пригласив меня на этот пир.

## Поедем в Цюрих!

Выяснилось, что Андерш и Ленц не виделись лет двадцать (а прежде очень дружили). И что завтра утром они оба одним поездом уедут в тот самый Цюрих, где должны выступить в том самом университете на столь актуальную тогда (и потом тоже) тему «Литература и политика» (или наоборот). Оба очень приглашали меня поехать с ними, справедливо полагая, что советской германистке будет полезно участвовать в таком увлекательном мероприятии, где левые студенты будут задавать маститым (и уже потому подозрительным) писателям разные каверзные вопросы.

Страстное желание увидеть не только швейцарских студентов, но и саму Швейцарию, где я никогда не

была и теперь, вероятно, уже никогда не буду, отчаянно боролось во мне со страхом перед всеми теми ведомствами и органами, компетентными и не очень, которым этот мой вояж наверняка не придется по душе.

Дабы придать своему отказу светскую (или советскую?) цивилизованную форму, я пробормотала что-то насчет визы, которой у меня нет.

У моих собеседников это вызвало веселый смех.

— Помилуйте, какая виза, — сказал Андерш. — Ни пограничники, ни таможенники, как правило, даже не заглядывают в вагон, все это чистая условность, вы отлично проведете время, уверяю вас.

А Ленц, в качестве дополнительного аргумента, даже разыграл веселую сценку на нижненемецком диалекте, как он пересекает границу с Данией, когда по несколько раз в год, а то и в месяц переезжает туда-сюда. «Ну что, Ленц, опять приехал», — говорит датский таможенник и весело ухмыляется. «Да вот, приехал», — говорит Ленц. «Ну, давай-давай, Ленц», — говорит датский таможенник, и они радостно похлопывают друг друга по плечу.

Разыгранный для меня Ленцем веселый скетч не мог отвлечь от другого, куда менее радостного и просто-таки устрашающего видения: как грозный швейцарский пограничник, взяв в руки мой серпастый-

молоткастый (а если точнее, то синий служебный) паспорт, грозно скажет: «А где виза, мадам?» И как меня передадут в руки сперва германских властей, а уж германские власти сообщат советским, и как за мной приедут в неторжественной обстановке определенные товарищи в костюмах неопределенного цвета, и как мне потом не выдать не только Швейцарии, но, что хуже всего, и ФРГ, и даже ГДР.

Мои деликатные и доброжелательные немецкие собеседники хоть и мало знали о России, но кое-что в этой жизни понимали и к тому же были неплохими инженерами человеческих душ. Мой побледневший вид и тоска в глазах четко объяснили им, что эта тема исчерпана.

## Одного лорда недосчитались

В остальном же это был действительно замечательный вечер. Ленц, посидев с нами часок, деликатно ушел, а мы с Андершем говорили допоздна.

Он был очень рад, что роман выйдет в Советском Союзе и его прочтут русские читатели. Он побывал в России лишь однажды, вспоминал об этом со смесью восхищения и юмора, говорил о необыкновенной красоте пейзажей и гостеприимстве людей, о «неописуемом золоте осеннего леса под Бородино», вспоминал со смехом, как их «делегацию» (это слово он произносил по-русски и с элементом веселой насмешки) привезли в какой-то совхоз под Одессой, где играли сразу несколько свадеб и где «дорогих гостей» растащили по свадьбам, в результате чего нескольких европейских писателей с мировым именем не досчитались на утренней переключке, в том числе одного британского лорда...

Говорили мы, конечно, и о вещах серьезных, о его жизни, о сложных отношениях с компартией, в которую он вступил семнадцатилетним юнцом, за что успел побывать в 1933 году в Дахау, об отношении к марксизму, о разочаровании, о том, что «детерминистская философия, отрицающая свободу воли», была одной из причин того, что фашистам в Германии удалось взять власть.

Говорили о его дезертирстве из вермахта, об американском плене, где он научился многому, в том числе тому, что такое демократия, о том, почему сейчас, то есть в 70-е годы, он отошел от политической деятельности, от всякого участия в политических кампаниях и, поки-



нув ФРГ, поселился в Швейцарии, где пишет свои романы...

Андерш сказал, что мечтает снова приехать в Россию, а я подумала, что тогда-то уж буду расспрашивать его и разговаривать с ним не один вечер, а много-много вечеров подряд. Он только раз за эти несколько часов упомянул, что болен, что, возможно, предстоит операция почки.

Через год с небольшим ему действительно удалили почку, он почувствовал себя лучше, много работал, был полон творческих планов. В феврале 1980 года от его жены Гизелы Андерш пришло траурное известие...

## Между Богом и Ничто

Той личной фрайбургской встрече 1976 года предшествовала — лет за десять до нее — другая встреча, так сказать, нематериальная, не имевшая осязаемого выражения.

Странными, окольными путями, через одного доброго знакомого попала ко мне хранившаяся за семью печатями в самых строжайших спецхранах тонкая книжечка «Вишни свободы».

На белой суперобложке молодой Андерш был изображен в форме вермахта. Эта книжка, прочитанная за одну ночь, и определила мой горячий интерес к этому писателю, стала основой того «избирательного сродства», которое не так уж часто возникает между читателем и писателем.

Ничего подобного я никогда до того не читала. Такие книги до меня не доходили, об их существовании я по наивности и невежеству не подозревала и их потому не искала. Это был взгляд на жизнь и историю последних десятилетий — начиная с двадцатых годов, с каким никогда до того мне не приходилось сталкиваться.

Люди более изощренные и дальновидные, уже тогда знавшие содержимое спецхранов московских библиотек, получавшие сложными и опасными путями книги из-за рубежа, вправе построить презрительную гримасу в духе ильфо-петровского «Надо было знать!». Конечно, надо было! Но я знала очень мало.

Когда был XX съезд партии, мне было двадцать лет, и как ни потрясена я была открывшимся, это еще не означало для меня, что отныне я буду всюду и везде искать книги, которые до конца откроют мне глаза. Не стану задним числом изображать себя умнее и проразливее, чем я была. Скептицизма хватало, в собствен-

ной биографии тоже было немало такого, что заставляло думать и сомневаться и мучиться несоответствиями. Но все же жизнь шла обычным своим чередом: семья, ребенок, работа. И вот тут-то мне попался тоненький томик «Вишен свободы», который перевернул мою жизнь.

В нем бывший солдат вермахта и бывший функционер баварского коммунистического союза молодежи рассказывал о своем двойном дезертирстве: о разрыве с



Рисунок из журнала «Тайм» (США)

компартией и о побеге из вермахта в 1944 году на итальянском фронте. Это была книга о свободе и индивидуальной ответственности, о том, что человек лишь тогда бывает свободен, когда принимает свое решение, совершает свой выбор «где-то между Богом и Ничто».

## Книжка для внука

Нет смысла пересказывать или анализировать «Вишни свободы». На русском языке эта книжка еще не выходила (отрывок был опубликован в «НВ» № 13/91). До конца 80-х и думать было нечего издать это сочинение «разочаровавшегося революционера и бывшего марксиста», а потом стреми-

тельное время поскакало такими темпами, что стало уже чуть ли не поздно: читательский интерес переместился в иные сферы. Для исповедей, подобных «Вишням свободы», снова не осталось ни бумаги, ни издателей.

Прочитав «Вишни свободы», я стала жадно искать все остальные книги Андерша. Потом появился роман «Винтерспельт», и я перевела его на русский язык. Это была трудная работа, хотя проза Андерша, прозрачная и легкая, кажется простой и ясной.

Да, избирательное сродство существует — во время работы над переводом я убедилась в этом окончательно. И сейчас, спустя уже столько лет, я время от времени вновь открываю страницы этого романа и перечитываю с чувством наслаждения и снова открываю для себя что-то новое, чего не распознала, не увидела, не почувствовала раньше.

Андерш стал для меня писателем необходимым. Его мироощущение, его видение жизни, людей, истории не просто понятны и близки мне, в них для меня заключена чарующая магия, загадка, и разгадать до конца тайну созданного им художественного мира я, видимо, не смогу никогда.

Советским читателям мало досталось Андерша: роман «Винтерспельт», несколько рассказов, замечательная последняя новелла «Отец убийцы». Вот почему, следуя чувству «избирательного сродства» и в знак глубокой любви и уважения к этому писателю, я написала о нем монографию — без большой надежды, что ее удастся издать. Похоже, что нашим читателям сейчас не до Андерша. Впрочем, может быть, когда-нибудь им будет и до него, как знать. Во всяком случае, несколько читателей мне обеспечены: мои коллеги по отделу зарубежной литературы в Институте мировой литературы, а также мой сын и, надеюсь, внук, которому пока только пять лет. Может, лет через десять-пятнадцать он заинтересуется этой рукописью и этим неизвестным писателем — Альфредом Андершем?

Возможно, сочинения Андерша помогут ему лучше понять ту страшную эпоху, в которую вписались фашизм, мировая война, крушение «третьего рейха», «расцвет» и распад коммунизма и многое другое. И, может быть, он при этом еще и испытает то эстетическое наслаждение, которое сам Андерш более всего ценил в творчестве любимых им писателей — от Толстого и Стендаля до Томаса Манна, Фолкнера и Камю.

Рубрику ведет  
обозреватель «НВ»  
**Ростислав Золотарев**

В истории американской политической мысли фигура Сиднея Хука весьма примечательна: вроде бы и стоит он особняком, но в то же время легко вписывается во множество взаимопереплетающихся интеллектуальных и политических традиций. Как только ни пытались классифицировать Сиднея Хука — его считали марксистом, сторонником философии прагматизма, левым либералом, умеренным консервативом, защитником индивидуализма и последовательным борцом за идеалы социализма. И все эти определения в той или

иной степени оказывались верными. Он почти всегда оказывался в центре всех крупных политических дебатов в стране. На него с одинаковой степенью уважения ссылались и «правые», и «левые», за исключением разве что самых крайних и радикальных. Для одних «ультра» он всегда оставался «красным», для других — «ренегатом», «отступником».

Переживший в молодости увлечение марксизмом, Сидней Хук затем перешел на более умеренные политические позиции. В философском плане он оставался в русле философии прагматизма. Он написал книгу — одну из самых лучших — о патриархе прагматизма Джоне Дьюи. Принимая в целом его уче-

ние о «мелиоризме» — постепенном улучшении общественных условий, Сидней Хук сохранял верность идеалам «демократического социализма».

Профессор Хук был основателем Института философии при Нью-Йоркском университете, где под его редакцией была выпущена серия сборников, включавших работы крупнейших ученых гуманитариев. Хук также много сотрудничал в Гугеровском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

Перу Хука принадлежат десятки книг, например «От Гегеля до Маркса», «Герой в истории», «Политическая власть и личная свобода», «Образование современного человека» и другие. Его об-

ИЗ  
ПОЛИТИЧЕСКОЙ  
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

ширное обращение к самым злободневным проблемам наследие все еще остается неизвестным нашему читателю. В 1975 году вышла его во многом итоговая книга «Революция, реформа и социальная справедливость». Фрагменты из нее — сегодня публикуются на русском языке впервые.

## Бюрократия и человеческая свобода

Сидней Хук (1902–1989)

**П**роблема бюрократии столь же стара, как и человеческое общество. Она выходит на первый план благодаря следующим четырем факторам. Во-первых, существует проблема разросшихся ныне до огромных размеров самих организаций. С этим связана проблема доверительности, непосредственного общения людей. Во-вторых, происходит дальнейшая специализация навыков и знаний. Это приводит нас ко все большей зависимости от опытного административного персонала. В-третьих, существуют раздельные звенья в цепочках распоряжений в различных организациях. Это создает противостояние одной бюрократической силы против другой с целью ограничения ее власти. В-четвертых, наличествует угроза безопасности государства, иногда она исходит извне, иногда — изнутри. Это дает творцам политики и администраторам большие возможности для свободы действий, используя ссылку на интересы обороны или безопасности. Если все эти положения справедливы, то каждому из нас следует проявлять осторожность, дабы избежать обвинений в бюрократизме. Действительно, мы никогда не должны проглядывать ни человека в бюрократе, ни потенциального бюрократа в нас самих.

Административная система подобна правительству. Она всегда похищает какую-то часть личной свободы, но оправданием тому служит тот факт, что она обеспечивает больше столь желанной нам свободы, чем это произошло бы при ее отсутствии. Без бюрократических операций, без наших сложных административных процедур, связанных, например, с выдачей лицензий, регулированием, инспектированием и контролем за автомобильным транспортом, решился бы утверждать кто-нибудь, будучи в своем уме, что у него была бы такая же личная свобода пользоваться автомобилем в наших до предела перенаселенных городах так, как он делает это в настоящее время? Любый анархист ведет

свою машину по проезжим дорогам и ввергает свою жизнь тем самым институтам, которые он же жаждет упразднить.

Тем не менее есть хороший и основательный резон для того чтобы внимательно присмотреться к механизму администрации в свете новых тенденций общественного развития. Прежде всего обращает на себя внимание тенденция, демонстрируемая всеми бюрократическими системами независимо от того, находятся ли они в правительстве или вне его: это увеличение численности персонала и расширение без всякой к тому нужды своих функций. «Здоровая» официальная власть — это та, которая распространяет свое влияние, независимо от выполняемой функции. Известна история о том, как в одном крупном американском университете была создана специальная служба курьеров для пересылки и транспортировки документов из одного офиса в другой. Шли годы, а курьерская служба разрасталась все больше и больше, пока университетский городок не заполнился курьерами, спешащими туда и сюда. Вновь избранный президент университета, склонный к режиму экономии, возжелал упразднить эту контору. В отчаянной попытке защитить «курьерат» его глава задал президенту вопрос: «Да ведь у нас все так делается. Представьте, что утром поступил к нам чек на миллион долларов. Как вы его переправите в банк?» «Я отнесу его в банк сам», — отвечал президент, который избавился-таки от курьерской службы...

Любой способен поведать нам свою историю на тему бюрократических несообразностей. И все же я убежден, что не подобные примеры составляют главную проблему. Ни один человек, ни одна группа не обладают монополией на человеческую глупость. Лечить плохую администрацию следует с помощью более совершенной администрации, а отнюдь не отменяя ее вовсе. Более сложный вопрос состоит в следующем: каковы ценности, оправдывающие администрацию или бюрократию? Как можем мы ее исправлять и фиксировать ее промахи?

В конце концов каким же образом администратор превращается в бюрократа? Вот что нас беспокоит. Анализ этого ключевого вопроса зависит от того, какие ценности считаем мы основополагающими, и от нашей концепции наилучшего способа, позволяющего достичь этой цели. Здесь мы подходим к соперничающим точкам зрения относительно подлинной роли администрации. Одна точка зрения известна нам как концепция Платона, рассматривающая роль монарха-философа, или, переводя его на современный язык, правление экспертов. Вторая, демократическая точка зрения, исходящая из неэффективности власти, настаивает на ее разделении, дабы сделать ее более восприимчивой к интересам общества и более ответственной.

Первая точка зрения базируется на предположении о том, что эксперт — то есть человек, обладающий специальными знаниями, имеющий практику и опыт, — знает подлинные интересы тех, чье благосостояние он блюдет. Он знает это лучше, чем сами массы, подчиняющиеся его решениям. Так, врач лучше пациента знает, как тому выздороветь и какие лекарства для этого нужны. Точно так же эксперты уподобляются врачам в государственном масштабе; считается, что они полнее своих сограждан осведомлены, в чем состоит благополучие общества. Эта точка зрения присутствует во всех организациях, как общественных, так и частных. Те, кто руководят службой сервиса, нередко настаивают на том, что им лучше, чем их клиентам, знакомы их интересы. Лидеры профсоюзов частенько утверждают, что они сумеют добиться больших выгод для своих членов посредством патерналистского руководства, нежели допуская спонтанное выражение чих-либо требований, за которыми нередко можно услышать влиятельные и громкие голоса демагогов. Все это говорится для того, чтобы ограничить круг лиц, принимающих решения, экспертами и людьми, владеющими информацией, то есть, по нашему определению, администраторами и бюрократами.

Демократическая точка зрения, разделяемая большинством американцев, в теории — хотя на практике она не всегда находит свое выражение — оспаривает подобный подход. Она исходит из того, что в своем большинстве взрослые население, имеющее доступ к определенным средствам информации, надежнее судит о собственных интересах, чем это делает любая группа администраторов, бюрократов и экспертов. Наиболее важными средствами информации для большинства людей являются их собственный опыт, их размышления по данному поводу. Это очевидно для коренных жизненных обстоятельств и это могут оспаривать лишь патерналисты, убежденные в том, что состояние человечества — это перманентное пребывание в стадии детства.

В конце концов те, кто носят ботинки, лучше всех знают, где они жмут. Эксперт может надежнее других представлять, как исправить ботинки, калечащие ногу, но объем необходимой коррекции известен лишь самому носителю обуви. Его не может установить тот, кто планирует «идеальный» ботинок, кто хотел бы людей заставить носить подобную идеальную обувь и кто обвинял бы в саботаже и «реакции» тех, кто начал бы в отчаянии стонать...

Мы принимаем за аксиому свое право менять нашу политическую «обувь» исходя из нашего опыта. Мы можем искать совета, мы можем принять его или отвергнуть, но в конце концов ответственность ложится на нас. Мы не можем возложить на себя подобную ответственность, если не признаем в то же время того, что другие способны лучше, чем мы, судить о наших подлинных интересах. Отсюда следует, что делегирование власти официальным лицам или администраторам

предполагает следующее: правильное использование их функций должно быть связано с периодическими консультациями с теми, кто станет выполнять их решения с учетом их нужд и чаяний, с обменом необходимой информацией, с расширением возможностей для рядовых граждан, обычных членов общества, для участия в процессе принятия решений.

Обычное возражение утверждениям «демократов» состоит в том, что длительность такой процедуры снижает эффективность. Нельзя отрицать того, что, консультируясь, обсуждая аргументы, стремясь к консенсусу, мы теряем время. Исходя из экономии времени, которое так часто становится зря потраченным или потерянным, вручить одному человеку право принимать решения было бы более эффективным. Иногда за подобную эффективность можно заплатить очень высокую цену, порой затрагивающую и само достоинство человека. Более того, существуют многообразные формы эффективности. Ее можно определить в различных терминах, касающихся морального удовлетворения; к ней можно подойти с точки зрения единственной цели — увеличения продукции. Эффективность в армии существенно отличается от эффективности в профсоюзах или университете. В сфере умственной

деятельности творческий результат, а не эффективность является окончательным мерилом, и при этом главная опасность исходит от посредственности, а не от бюрократии.

Порой можно услышать протестующие голоса по поводу того, что подобное отношение означает вторжение в сферу администрации, а эксперт предстает перед судом незнаек. Здесь необходимо оговориться. Естественно, существует опасность того, что некомпетентные лица получают право судить о том, чего они не знают, о том, к чему не имеют даже доступа. Но отнюдь не надо быть экспертом, чтобы высказаться о работе других экспертов. Конечно, я могу иметь мнение о том, вкусен ли суп, даже если не умею его приготовить. Никакой шеф-повар не может запугать вас до такой степени, что вы, зная собственные вкусы, отступите от своего мнения о еде, просто потому что не обладаете секретами кулинарного искусства этого шеф-повара. Не надо быть генералом, чтобы знать, кто хороший генерал. Не надо быть часовщиком, чтобы отличить хороший будильник от плохого. Не надо быть пилотом, чтобы знать, какая компания благополучно доставляет пассажиров в аэропорт назначения. Мудрость проявляется в сфере ценностей. Она базируется на знании того, что мы действительно желаем, что мы готовы отдать во имя наших желаний, на знании цены, измеряемой не только нашими страданиями, но и теми ценностными альтернативами, которые были отвергнуты при нашем выборе. В этом смысле свободные люди не являются экспертами по части мудрости, несмотря на то что некоторые люди, очевидно, умнее других. Кто лишает нас нашей ответственности за выбор — даже за неверный выбор, — тот лишает нас нашей свободы...

Имеются серьезные исторические свидетельства, усиливающие естественный скептицизм относительно тех, кто убеждены в том, что их компетентность дает им «право руководить» делами других людей. Ведь бюрократия забирает себе власть не столько с помощью прямой ее узурпации, сколько постоянно ее используя, ибо в ней нуждаются. Не всегда уступает она и специфическим соблазнам, связанным с продвижением их материальных интересов...

История, однако, предлагает нам два пути, и те из нас, кто отстаивает демократический вариант администрации, должны принять тезис фундаментальной школы итальянских мыслителей, Микельса, Парето и Моска, утверждающих, что любые общественные ин-

### Нельзя забывать о том, что опасность порождает панику и только организованные действия могут предотвратить гибель общества

ституты требуют организации, все организации — иерархии, а любая иерархия — оперативного управления, осуществляемого меньшинством. Это и есть так называемый «железный закон олигархии», или правление элиты. (Чтобы не было недоразумений, отметим, что Р. Михельс — это немецкий ученый, хотя и работавший долгое время в Италии; ему и принадлежит открытие «железного закона» (олигархии). — Ред.) Согласно этому закону демократы могут победить, но демократия — никогда. Конечно же, бюрократия может быть свергнута или обуздана лишь в результате общественного движения, способного заменить старую бюрократию новой. В соответствии с этой точкой зрения за всеми грандиозными идеологическими схемами, за всей риторикой просматривается один всепроникающий закон, главенствующий в нашей общественной жизни. При любой системе во все времена есть класс, который управляет, и класс, которым управляют. Первый класс всегда немногочислен, он хитрее, сильнее. Вы можете предпринять все что угодно по отношению к правящему классу, говорят нам, но мы никогда не сможем сбросить его с плеч народа, пока не появится другой правящий класс, готовый занять его место.

Это могло бы нас завести далеко в сторону и привести к оправданию всех аспектов подобной точки зрения. В ней есть смысл лишь в том случае, когда отклоняется абсурдное мнение, согласно которому демократия — это якобы прямое правление большинства. Но демократия никогда не была прямым правлением большинства, просто потому что этого не может быть. Жизнь в условиях демократии зависит от условий делегирования власти, а любое подобное делегирование может быть только обращено к меньшинству. Это самая обычная тавтология. Действительно, самая серьезная проблема заключена в другом — в том, как это меньшинство выбирается, ответственно ли оно и если да, то перед кем; обладает ли оно монопольной властью, подчиняется ли закону; базируется ли данная власть на свободном согласии, или это согласие добыто благодаря сознательному использованию приманок в виде «хлеба и зрелищ», или просто установлено с помощью насилия.

Там, где существуют механизмы и институты, позволяющие большинству свободно заменить одно бюрократическое меньшинство другим, — там реализуется демократия.

Демократия и демократически функционирующие административные системы, следовательно, возможны, но это нелегко осуществить. Трудности связаны с тем, что наши цели различны и их необходимо примирить, иногда делая акцент на одном ценностном факторе, иногда — на другом. Все наши административные механизмы должны применяться в конкретных ситуациях, в которых мы сталкиваемся с соперничающими чаяниями, направленными на безопасность и свободу, эффективность и благоденствие, спокойствие и инициативу, больший профит и больший сервис.

Одна из главных опасностей, коренящихся в организации, состоит в том, что она препятствует спонтанным решениям. Между тем есть такие области человеческого опыта, особенно сфера личных отношений, в которых нельзя компенсировать утрату непосредственности, свежего и естественного подхода... Но есть области деятельности, в которых мы не можем полагаться на импровизацию и должны готовить загодя механизм, могущий упорядочить спонтанность...

Большое число людей, живущих на планете, их стремление к достатку и удовольствиям, их далеко не ангельские характеры, необходимость справедливого распределения в наш технологический век — все это заставляет нас признать, что увеличение числа разных ор-

ганизаций в обществе — неизбежность. Жалобы не могут изменить этой тенденции. Иные готовы видеть в этом закат личной свободы и справедливости и, чтобы избежать или как-то смягчить подобную ситуацию, пробуют создавать другие организации, начинающие со временем демонстрировать те самые пороки, с которыми они боролись. Я имею смелость утверждать, что в широком плане, в той мере, в какой они затрагивают огромные массы людей, наше общество гигантских корпораций, несмотря на бюрократические деформации, в значительно большей степени расширило сферу индивидуальной свободы, свободы для развития человеческих возможностей и талантов, свободы передвижения, свободы образования, свободы мыслить и расходиться во мнениях, чем это было возможно в мире небольших организаций, ныне исчезнувших. Те, кто провозглашают имевшуюся якобы в прошлом свободу для рядовых людей, не знают достаточно хорошо этого прошлого. Конечно, это предмет серьезных размышлений,

но, думается, было бы ошибочным утверждать и настаивать на том, что индивид стал беспомощным перед лицом огромных властных агрегатов, существом, полностью зависимым от сил, не поддающихся контролю или модификации, и что он способен выжить, лишь превратившись в податливого «организованного человека». Мы впадаем в ошибку, недооценивая того, что способны свершить люди, по крайней мере возбуждая великие движения в пользу реформ и перемен... Это требует мужества, но всегда требовало мужества оставаться личностью, которое в прошлом из-за отсутствия необходимых средств и условий оставалось не востребовавшимся, исключая разве что немногих привилегированных.

Что значит быть личностью в наш бюрократический век, что значит не быть просто номером, частицей, единицей в толпе, рабочей пчелой в коммунальном улье? Это значит обладать знанием, знанием мира, в котором мы живем, в физическом и социальном плане, знанием возможностей и опасностей, в нем тающихся. Хотя не все альтернативы открыты перед нами, чем настойчивее мы ищем их, тем чаще обнаруживаем. Это означает решимость рисковать чем-то во имя наших идеалов и нашего чувства справедливости. Это означает отказ от робкой игры, при которой наш личный опыт лишается своеобразия и неповторимости... Это означает приверженность к социальному порядку, институты которого дают возможность для все большего и большего числа людей становиться личностями. Это означает, в конце концов, отсутствие фанатизма, признание того, что добро зачастую вступает в конфликт с добром, что нет всеисчерпывающих решений, что оценка достигнутого коренится в реальных и возможных последствиях от использования средств, задействованных ради данной цели. Это предполагает точку зрения, согласно которой высший авторитет при разрешении конфликтов среди людей — это не авторитет институтов, традиций или отдельных лиц, но авторитет рационального метода, авторитет разума, который не надо путать с приятной расудительностью или позицией умиротворителя, неспособного разглядеть лицо зла...

Никто не может быть совершенной личностью, за исключением, наверное, только святых. Но даже святые в мифах и религиях далеки от совершенства. Не будучи способны стать богами, мы все еще живем подобно людям в обществе, состоящем из личностей. Когда мы призываем организации, администрации или бюрократии на суд, наш приговор должен исходить из того, помогают или вредят они нам как личностям.

Публикацию подготовил профессор Борис Гиленсон

# Лидерский мир

**К**ажется, и года не прошло с тех пор, как «Новое время» писало о первой в стране частной школе — но ни города нельзя было назвать, ни директора. Частные школы начинали в подполье. Теперь — все, теперь разрешающий закон, и новое сокращение мелькает в официальных документах — ноу.

Можно устроить конкурс: что такое ноу?

Ноу — негосударственное образовательное учреждение.

Подумать только!

Вот это свобода.

Есть деньги, есть диплом о собственном образовании — пожалуй-ста. Становись хоть директором гимназии. Чтобы это стало возможным, должна была рухнуть не только прежняя административная система, должна была прежняя идеология испариться.

В обществе появилась новая мечта, новый тип мечты: дать детям какое-то особое образование. Особого образования в частных школах обычно не дают, но два-три экзотических предмета, вроде истории религий или менеджмента, для дошкльников в расписание включают.

А что плохого в том, что кто-то хотел бы потратить большие деньги, вкладывая их в детей? Пусть в своих, но ведь сегодня — свои, а завтра в стране появится энное количество хорошо образованных людей, на их образование тратились не налогоплательщики, а какие-то люди — назовем их богатыми.

Все представления о морали перепутались, теперь приходится вырабатывать новую мораль. Она в принципе может быть почти прежней, но без ненависти к богатству и богатым.

Богатые — это нормально, и не каждый раз следует спрашивать, откуда богатство.

Но если есть богатые и если богатство не аморально, то есть ведь и дети богатых, они не могут расти на обыкновенный манер. У них есть возможность получить лучшее воспитание и образование.



## Сколько протянет школа?

Снова: а это как? Они же дети... Они же не своим трудом... Ведь есть же справедливость... Равный старт...

Увы, никакого равного старта никогда не было, даже в эпоху самого развитого социализма. Я заканчивал школу в середине сороковых, и у нас в классе были богатые и бедные — мы почти и не общались между собой, мне не о чем было разговаривать с сыном генерал-полковника, мы жили в разных мирах.

И школы для богатых того времени существовали. И были особые вечерние школы для богатых, где всем выпускникам давали еще и справки о работе, чтобы легче было поступать в институты.

А в районе Речного вокзала, в Москве, где кооперативные дома, были дети, которые по всем предметам учились дома, а к школе были приписаны, чтобы получить аттестат.

Теперь все это делается открыто, и частная гимназия имеет право выдавать точно такой же аттестат, как и государственная.

Если не равная для всех школа — порок, то теперь этому педагогическому пороку можно предаваться открыто.

Но это не порок.

Только надо все с умом делать.

Первые проблемы нашей новой частной школы те же самые, что

и во всем мире: помещение и деньги.

Помещений нет. Если переделывать государственные школы в частные, то есть брать деньги там, где прежде не брали, лишать каких-то ребят удобств ради других, — вот это будет дурное дело, безнравственное.

А денег, чтобы построить частную гимназию заново, — таких больших денег пока что ни у кого нет. Поэтому частные школы, как правило, состоят из нескольких классов и ютятся в непригодных помещениях, пока не выгонят.

И нет денег на оплату учителей. Поначалу кажется, что все просто: бери побольше — вот и бюджет. Но инфляция, но положение родителей неустойчиво, но действительно богатых нет — есть лишь врио богатых. Сегодня в школе сорок учеников. Жива! А завтра двадцать — и тогда что делать?

К тому же отцы-основатели новых школ по неопытности своей не знают о самом крупном подвохе, который их ждет. Вот у богатого человека вырос сын, отец поднатужился и платит за его образование бешеные деньги. Все хорошо. Но следом второй ребенок растет, а его куда? На двух никакого богатства не хватит. И отец забирает первенца из богатой частной школы.

На этом зарубежные частные школы сильно горят. Другая беда — колебания в рождаемости. Один год учеников много, другой — некого брать в первый класс.

Без государственной помощи или без помощи сильной фирмы на одни только родительские деньги частной школе не выжить. Поэтому в мире все не так. Большая часть та-мошних ноу принадлежит церкви.

Иначе не получается. Одним законом сыт не будешь и образования детям не дашь. Несмотря на то что учителя получают во всем мире едва ли не меньше всех, образование — страшно дорого.

Поэтому, отдавая ребенка в частную школу, прикиньте: долго ли она протянет?

*Симон Соловейчик*



Здесь все кажется логичным и гармоничным, несмотря на порой странное соседство: в русской деревеньке народ сбежался поглазеть на... корриду гуся с петухом, в валенках цветут цветы, а в лужах возлежат томные русалки. Сразу же бросается в глаза главная особенность картин **Григория Кусочкина** — теплота, праздничность и веселье. А сочетание деревенской реальности, сказочной фантазии и советского фольклора дает эффект лубочных картинок.

45-летний Григорий Кусочкин — художник (он — автор красочной обложки одного из последних номеров «Нового времени»), поэт и писатель, в быту носит звание старшины пожарных войск. В его родном городе Костроме столь незаурядного пожарника люди поначалу воспринимали по-разному: кто считал чудачком, а кто попросту ненормальным.

Рассказывая о себе, художник признается, что его семья была одной из самых уважаемых в городе, родители занимали ответственные посты. И хотя Кусочкин когда-то выгнали из восьмого класса за постоянные прогулы, «во всем остальном я очень respectable человек».

Григорий Кусочкин рисовать начал поздно, лет в сорок: положил перед собой альбом с репродукциями из-

вестных художников и попробовал сделать копию. Вышло ничуть не хуже оригинала. На этом и кончилось обучение Кусочкина, в художественных академиях необходимости не было.

Художника не удивишь за мольбертом. Он рисует за письменным столом, и не кисточками, а собственными пальцами, макая

их в краски. Он же и автор забавных подписей под своими картинами. Например:

«Тут три грации сидели И тихонько песню пели... Васька-ангел-баламут Им устроил самосуд!!!»

В 1991 году успешно прошла персональная выставка Григория Кусочкина в Москве в Культурном фонде.

Когда жители маленького итальянского городка Ленола впервые увидели, как их земляк **Пьетро Инграо** выходит из местной церкви, они не поверили своим глазам. Этот недавно возвратившийся в родные места 77-летний старик был прежде одним из самых непримиримых лидеров Итальянской коммунистической партии, правой ру-



## Бронзовый десант на Елисейских полях



Ни одному скульптору не удавалось еще выставлять свои произведения на Елисейских полях в Париже. 60-летний колумбиец **Фернандо Ботеро** будет, похоже, первым. В конце ноября огромный античный торс встанет посреди круглой площади, и тридцать бронзовых фигур от двух до четырех метров займут свои места прямо на тротуарах. Одновременно в галерее Парижа будут демонстрироваться рисунки Ботеро, а «Гран Палэ» представит 60 его полотен, посвященных корриде.

Творения Ботеро видели уже во всех крупнейших городах мира. Его семитонная «Бродгейтская Венера» размером 7 на 4 метра стоит на одной из площадей Лондона. Скоро произведения колумбийского мастера увидят и в Москве в Пушкинском музее.

«В своих картинах и скульптурах я пытаюсь создать красоту на свой вкус», — говорит художник массивных форм, в чьих работах чувствуется влияние ассирийской, египетской культур, а также доколумбовой Америки.

Ботеро учился в Академии Сан-Фернандо в Мадриде, в университете Флоренции изучал историю искусства. В своих мастерских в Париже и Нью-Йорке он пишет картины, забывая о скульптуре. Дома в Пьетранте (предместье Пизы) он забывает о живописи и занимается только скульптурой. 20 лет назад Ботеро начал работать с мрамором, позже перешел к бронзе. Сначала его работы были не больше 30—40 сантиметров. Понемногу к нему приходила уверенность, скульптуры становились все крупнее.

В живописи его тоже привлекают большие размеры. Например, для своего родного города Медельин он написал 40-метровую фреску. В своей палитре художник использует с недавних пор только три цвета: желтый, красный и синий, которыми пользовались художники кватроченто.

Сейчас, когда рынок художественных произведений переживает кризис, Ботеро не унывает и продолжает много работать. Он знает себе цену. Одна из его картин была продана в прошлом году за 6 миллионов франков. Скульптуры, несмотря на их габариты, также пользуются большим спросом — их покупают города, музеи и даже частные коллекционеры.

кой генерального секретаря Пальмиро Тольятти, «истребителем попов», как его называли соратники. Многие итальянцы еще помнят, как на многотысячных митингах в послевоенные годы Пьетро Инграо клеймил духовенство, называя его реакционным и продавшимся американскому империализму. Он всегда оставался верным марксистом — даже теперь, когда ИКП прекратила свое существование, а ее члены рассеялись или влились в другие партии.

Правда, его соратники вспоминают, что в последние годы в высказываниях неукротимого марксиста стали проскальзывать нотки терпимости к религии. Так, Инграо опубликовал сборник стихотворений под названием «Сомнения победителей», в котором затрагиваются вопросы веры. Он с пониманием отнесся к тому, что давний и активный коммунист, известный певец Джанни Моранди публично объявил: отныне он становится ревностным католиком.

Близкие друзья Пьетро Инграо полагают, что после краха коммунистической идеологии он обратился к ре-

лигии, чтобы получить ответы на вечные вопросы бытия, на которые ему не дал ответа марксизм.

В Леноле утверждают, что их земляк намерен закончить свои дни в одном из ближайших монастырей.



Согласно семейной легенде богатства дома Ротшильдов происходят от скромной суммы, вырученной когда-то от продажи небольшой золотой броши.

Ныне самый известный представитель этой могущественной семьи лорд **Джейкоб Ротшильд** впервые решил попытаться счастья в России. Он основал Русско-американский инвестиционный банк с участием ряда американских и российских финансовых учреждений, готовых предоставить кредиты для крупных предприятий в районах Коми, Тюмени, Калининграда и Якутии. Основной капитал будет на 50 процентов российским и на 50 американским. Полагают, что Джейкобу Ротшильду удалось завоевать доверие президента Ельцина, поскольку новый банк будет обеспечивать финансирование многосторонних инициатив, главным образом между западными партнерами и российскими предприятиями,

но будет также оперировать и на внутреннем российском рынке.

Ротшильд с большим оптимизмом высказывается в отношении среднесрочных и долгосрочных экономических перспектив России. Он считает, что процесс либерализации начинает приносить первые положительные результаты. Банкир полагает, что консорциум обеспечит привлечение к консультациям самых известных в мире специалистов в области экономики и финансов.

Банк приступает к операциям в конце этого года.

Режиссера **Беджина Баллжиньяма** называют «монгольским

Акирой Куросавой», хотя сам он отрицает влияние знаменитого мастера на свое творчество. Как и у Куросавы, спектр киножанров Баллжиньяма широк: от исторических эпопей до современных остросоциальных лент. И как японский маэстро, Баллжиньям практически не понят у себя на родине. Ситуация не изменилась и после его новой картины «Чингисхан», премьера которой состоялась этим летом.

Он шел к этому фильму всю жизнь. Мечтал снять его еще в юности, хоть и понимал, что это невозможно. В Монголии, прожившей 300 лет под маньчжурским господством и 70 лет под советским влиянием,



Чингисхана шепотом называли «тот человек», не произнося его имени. Друзья убеждали Баллжиньяма убирать со стены его уланбаторской квартиры портрет легенды

дарного вождя — это могло грозить ему большими неприятностями.

В 1988 году в Монголии были сняты некоторые идеологические ограничения, и Баллжиньям, ободренный политическими переменами, начал писать сценарий фильма. Но перед самым началом съемок его вызвали «на ковер» и настоятельно попросили «не показывать того, что может испортить отношения между Монголией и Советским Союзом». «Я обещал им, что постараюсь убивать по возможности меньше русских», — вспоминает Баллжиньям.

Баллжиньям, как и многие соотечественники, считает, что не будь Чингисхана, его страну давным-давно поглотили бы Китай или Россия. И вместе с тем его Чингисхан вовсе не тот супергерой, которого ждала вся Монголия. «Монголы сейчас пытаются сделать из Чингисхана бога, — говорит Баллжиньям. — Я не согласен с этим. Он не бог и не дьявол. Он творил великие дела и совершал страшные ошибки. Он был просто человеком».

О. Фукс

## Двадцать лет спустя

Весной будущего года в Нью-Йорке состоится фортепьянный вечер памяти композитора Николая Сидельникова (см. «НВ» № 48). Исполнять его произведения будет его близкий друг известный пианист **Григорий Хаймовский**. Недавно после двадцатилетнего перерыва пианист впервые побывал на своей родине. С большим успехом прошли сольные концерты Хаймовского в Нижнем Новгороде, где он находился по приглашению местной консерватории. Уже более 15 лет он живет в Нью-Йорке. Профессор Нью-Йоркского университета. Руководит камерным ансамблем, стремится донести до американских слушателей смысл и глубину современной русской музыки. Много концертирует как солист, входит в число лучших американских исполнителей.



В свое время Хаймовский с блеском окончил Московскую консерваторию и... на 10 лет был отлучен от концертной сцены. Ему не давали выступать только по одной причине — в графе национальность у него значилось «еврей». Это было начало пятидесятых — самый разгар сталинской «борьбы с космополитизмом». И будь ты трижды гений, путь был везде закрыт. Хрущевская «оттепель» позволила, наконец, пианисту закончить аспирантуру в Ленинградской консерватории. Затем — преподавательская работа в Горьком, переезд в Москву и активная деятельность как солиста. Хаймовский играет в ансамбле солистов радио и телевидения, работает со многими известными оркестрами.

Как оказалось, в Нижнем Новгороде его не забыли. Пианист был просто потрясен теплотой приема и вниманием к нему со стороны нижегородцев: «За все мои 66 лет меня нигде так не встречали, как здесь! Эти пять дней в Нижнем стоят целого года жизни!» В мае будущего года Григорий Хаймовский вновь приедет в этот город, где на международный семинар соберутся известные музыкальные педагоги из различных стран. И опять будут сольные концерты. Может быть, и Москва когда-нибудь вновь услышит этого блестящего мастера?

А. Авдошин

# «Однорукые бандиты» в руках у индейцев

В России игорный бизнес контролирует мафия,  
а в США — сами коренные американцы

Ирина Лагунина

**В** выходные дни в казино не пробиться. Жаждающие поиграть с непривычки с трудом формируют очереди и ждут часами. Но даже в будний день народу очень много.

Карточные столы, «Блэк Джек» и рулетка, правда, обычно пустуют. Намного больше интереса вызывают игровые автоматы. В самом обычном казино их может быть больше пяти тысяч. Перед ними на высоких, как в баре, стульях сидят в основном седенькие опрятные старушки. Прическа по последней моде для пожилых, тонкая косметика и азарт в глазах. Старушки вышли в свет. Для тех, кто уже не может сидеть на высоком стуле, а порой и вообще с трудом передвигается, казино располагает креслами-каталками, а игровые автоматы оборудованы вторым, нижним ярусом кнопок и рычагов. Как утверждает дирекция казино, пожилые люди составляют основную клиентуру игорного бизнеса на севере Соединенных Штатов.

## И деньги бешеные, и безработных меньше

Казино на севере появились совсем недавно. Раньше в Америке было два основных игорных центра — Лас-Вегас и Атлантик-Сити. В 1988 году администрация Рейгана приняла решение, по которому эксклюзивное право на строительство казино предоставлялось индейцам. Те быстро поняли, что в северных и центральных штатах, где народ живет спокойно, развлечений почти нет, а деньги людям все равно тратить надо, игральные автоматы и рулетка дадут очень неплохие доходы: ведь не каждый желающий поиграть поедет за тысячи миль с севера на юг или на запад страны. И казино в индейских резервациях стали расти как грибы.

Рейган правильно рассчитал, что он будет одним из немногих президентов-республиканцев, кого индейцы вспомнят добрым словом. Вообще у индейцев есть один любимый президент — Никсон, вернувший им хотя бы часть их земель. Традиционно индейцы голосуют за демократическую партию. Администрация резервации Фон дю Лак на севере штата Миннесота близ города Дулут говорит теперь и о Рейгане, и о за-

коне 1988 года с большим энтузиазмом. Казино в резервации уже построено: огромное несуразное здание, которое со стороны можно принять скорее за складское помещение, чем за центр азартных развлечений. На строительство его ушло два года и пять миллионов долларов, которые резервация заняла из бюджета штата. Казино работает два месяца, и уже ясно, что долг можно выплатить меньше чем за год. Совет племени Фон дю Лака, как и вообще вожди почти всех племен Миннесоты, идею строительства казино не поддерживали: дело индейца — охота, а не развлечение. Но потом смирились.

Работой теперь обеспечено более тысячи человек. Для резервации, в которой живет всего четыре с половиной тысячи, это очень много. Еще десятилетия назад, говорят в административном здании Фон дю Лака, всего по стране среди индейцев было 40 процентов безработных, сейчас вдвое меньше.

## День траура

Коренные американцы, как называют в Америке индейцев, живут по собственным законам и традициям, которые соединяют в себе дух старого уклада, религии и новых общественных отношений.

В резервациях сохраняются черты матриархата, но выражается это в том, что при разводе женщине остается все имущество и дом. При этом 90 процентов детей, рождающихся в той же резервации Фон дю Лак, — внебрачные. Если у роженицы есть муж, то ему разрешают присутствовать при родах, он даже может забрать домой плаценту — таков обычай индейцев. Но сами роды проходят с применением всех новейших достижений медицины и техники, обезболивающих средств и даже наркоза.

Индейцы с гневом рассказывают посетителям, что стали полноправными гражданами США лишь в 1924 году, а до этого никаких прав не имели, но тут же уточняют, что в принципе это они, а не «иммигрантские власти» должны определять, кто может быть гражданином этой страны, а кто нет — ведь они истинные владельцы и жители этой земли.

— Для «них» день Колумба (День открытия Америки. — И.Л.) — праздник, а для нас это — день траура, —

говорит индейский поэт, писатель и философ Джим Нортруп.

Его жена тем временем плетет из березовой коры корзину для просушки дикого, или, как его еще называют, черного, риса. Выращивание этого злака наряду с народным художественным промыслом до недавнего времени было основным занятием индейцев.

Рис, хоть и стал любимым блюдом американцев, давал только временную работу. И поэтому правительство США в середине 50-х попыталось провести программу переселения индейцев из резерваций в места, где требовались рабочие руки. Индейцы яростно отстаивали право жить в резервациях.

— Это не изоляционизм, — поясняет Нортруп, — это забота о собственном народе. Я от своего деда знаю, что надо делать, чтобы выжить. Наш народ сумел сохранить себя: он не ассимилировался с белым сообществом, он сберег свою территорию. Если население каждой резервации увеличится, то и народ будет сильнее.

— И мы уже стали сильнее, — продолжает Нортруп. — Еще двадцать лет назад наш голос не был слышен, а сейчас мы говорим очень громко.

Двадцать лет назад индейцев называли только индейцами, на что те сильно обижались: какой-то Колумб перепутал Американский континент с Индией, а теперь те, кто на этой земле жил веками, страдают. Сейчас слово «индейцы» произносятся реже, а в прессе и вовсе не употребляют. Вместо него появилось более тактичное определение — коренные американцы.

500-летие открытия Америки в этом году праздновалось не особо шумно и радостно. С одной стороны, сказались влияние индейцев и их протесты против этого праздника, а с другой — и сами американцы начали пересматривать свою историю: стоит ли так уж радоваться, что человек с криминальным прошлым случайно доплыл до неизвестной земли и устроил на ней настоящий генотип коренного населения...

О массовых выступлениях протеста со стороны индейцев двадцать лет назад тоже говорить не приходилось. Сейчас в них нет ничего необычного, а либеральная часть американской интеллигенции относится к ним даже с большим вниманием. Недавно на футбольный матч в Миннеаполис приехала вашингтонская команда под названием «Редскинз» («Краснокожие»). Индейцы устроили такой протест, что матч чуть не сорвался. Для американцев, помешанных на футболе, это очень серьезное событие. Название ко-

манды во время игры не произносили.

## Разрешили, так не запрещайте

Тем, кто переселился к белым, посещение своего племени не запрещено, но уж больно плохо к ним относятся свои же. Тех, кто возвращается в резервации, встречают как героев. В Фон дю Лак недавно вернулась одна семья, 25 лет прожившая в городе. Еще один индеец вернулся после 40 лет жизни «на чужбине». Их окружают заботой и выдвигают на «руководящие посты» — в основном из-за того, что уровень образования у «репатриантов» выше. Обычно в резервациях образование ограничивается средней школой.

Нынешняя молодежь, правда, не прочь пойти учиться и в университеты, но боится: им с детства внушали, что, оторвавшись от своей родной среды и культуры, они потеряют национальную принадлежность.

Выпускник Западного Мичиганского университета Джон Бредли рассказывает, что для поступления в университет ему пришлось записаться белым — у него мать белая, а отец — индеец. Сейчас времена изменились. Он работает в университете и с гордостью пишет о себе «коренной американец». По закону племен коренными американцами могут считаться те, у кого хотя бы четвертая часть крови — индейская.

— Поначалу, когда я только поступил, мои однокурсники смеялись надо мной за длинные волосы, — рассказывает Бредли выпускникам школы. — Потом я объяснил им, что волосы, забранные в косичку, — это символ объединения людей. Я сказал им, что индейские мужчины стригутся только тогда, когда умер кто-то из близких.

В 1988—1989 учебном году в Западном Мичиганском университете обучались 60 индейцев, а в нынешнем — 89. В вузе этим очень гордятся.

Но все-таки для племен хороший индеец — это индеец, занятый физическим трудом, а не наукой. Казино — вроде как не наука, да и переселения к белым даже на время не требуют. Плюс к тому еще и дает очень большие и быстрые деньги, которые так нужны для строительства дорог, школ, больниц, детских садов. И поэтому за права на игровой бизнес индейцы сейчас борются с не меньшей ожесточенностью, чем за права на землю и за лицензии на круглогодичную охоту и рыболовство.

Недавно президент Буш издал указ, по которому губернаторы штатов могут ограничивать строительство казино. Губернатор Невады за-



Индейские народные танцы уходят в прошлое. Современные коренные американцы отдают предпочтение игровому бизнесу

претил развивать игровой бизнес — Лас-Вегаса хватает. Индейцы встретили этот запрет в штюки, и разразился большой скандал.

В Аризоне с губернатором поссорились все 22 племена штата. По распоряжению главного судьи Аризоны агенты ФБР отобрали у индейцев из резервации Форт Макдоуэл 750 незаконно установленных игровых автоматов. Разъяренные апачи блокировали их вывоз с территории резервации. Губернатор объяснил активность ФБР тем, что население городов вокруг резервации резко воспротивилось развитию игрового бизнеса. Апачи провели свой опрос общественного мнения, согласно которому 60 процентов населения штата за казино. Спор пока ничем не завершился, игральные автоматы, сложенные в контейнеры, лежат на территории резервации, а апачи гадают, на кого им подавать в суд за нанесенный материальный ущерб — каждый автомат стоит 5 тысяч долларов.

Одно из племен в Висконсине обвинило губернатора штата, что тот нечист на руку и поддерживает благотворительные организации и церковь, у которых тоже по закону есть право устанавливать игральные автоматы и проводить благотворительные лотереи, в ущерб интересам коренных американцев. Губернатор Томми Томпсон попытался объяснить, что не хочет развивать игровой бизнес вблизи крупных городов, как, например, Мадисон. Тогда индейцы предъявили свои права на землю, на которой построен Мадисон...

Все это будоражит сейчас американское общественное мнение намного больше, чем «казиномания»,

привычка играть, которой в США так опасались после принятия закона 1988 года.

## Спиртного нет, но пьют все

В большинстве американцев не против индейских казино, но относятся к ним с осторожностью. Сами индейцы игровой бизнес тоже воспринимают двояко.

— А много коренных американцев уже пристрастились к казино? — спросила я у сопровождавшей меня в недавно построенное казино в Фон дю Лак индейской женщины.

— Играл, но мало, — сдержанно ответила она.

— А пить от этого больше не стали?

— В казино алкоголь строго запрещен.

При этих ее словах на нас почти упал выходящий из казино пьяный индеец.

Алкоголизм для индейцев — самая большая проблема. В Америке есть скверная шутка, что колонисты подарили индейцам

спирт, а индейцы взамен наградили их сифилисом. Медсестра Джин Меллум в женском отделении больницы резервации рассказала, что почти три четверти рожениц подвергаются при родах риску либо потерять собственную жизнь, либо родить мертвого или неполноценного ребенка — сказываются плохое питание, курение, наркотики и прежде всего алкоголизм. У каждого индейца в роду обязательно кто-то один был алкоголиком.

С развитием казино будет развиваться и сеть ресторанов, гостиниц, баров и кафе. А значит, будет и алкоголь, который сейчас в резервациях продавать запрещено.

Игровой бизнес — легкий, но временный доход. Председатель национальной комиссии по развитию индейского игрового бизнеса Энтони Хоуп предсказывает, что бум будет продолжаться от силы лет десять, а скорее — пять. Сейчас люди едут играть только потому, что это в новинку. А потом американцы поостынут, привыкнут к тому, что казино рядом, оно есть и не исчезнет еще много лет, и мало кто будет ездить в индейские резервации, чтобы опустить 25 центов и дернуть вниз ручку игрового автомата. Что будут делать индейцы, если им не удастся создать в резервациях новые рабочие места?

А по всей вероятности, не удастся: коренные американцы, хоть и не примыкают к «зеленому» движению, выступают за сохранение природы нетронутой. А это, в свою очередь, предполагает отсутствие промышленных предприятий.

ФОН ДЮЛАК — ДУЛУТ

# Рогатый лев

Да здравствует альянс огородной бузины и киевского дядьки!

**В** одной столичной газете... Кой черт «в одной», если имя им легион и маленькая тележка! Так вот, в этой газете время от времени печатаются рассуждения на морально-этические темы. А поскольку в наше благочестивое время нравственности и православия — близнецы-братья, то и рассуждает на эти темы, судя по тону, благостный брадатый батюшка. Учит уму-разуму, наставляет по мере сил на путь добра. Иной раз зачитаешься, уронишь скупую мужскую и уже было возмечтаешь начать с понедельника новую жизнь, глядь — на соседней странице объявление: «Господа бизнесмены! Эротическая биржа «Этуаль» скрасит ваш досуг элегантными ледяными в неограниченных количествах. Звонить круглосуточно. Спросить Симу».

Что за притча? Где имение, где наводнение? Торгующие ли обосновались во храме или батюшка угодил в бордель?

На этот случай имеется замечательная палочка-выручалочка: плюрализм, мол. Вернее сказать, имелась палочка-выручалочка, потому как и слово это произносится теперь все реже и реже, да и то в сопровождении виноватой улыбочки. Не то чтобы оно приелось, просто с ним произошел тот же конфуз, что и со всяким словом, брошенным на панель: оболочка-то осталась, а суть — фьють. И стало оно обозна-

чать умопомрачительный альянс огородной бузины и киевского дядьки, трудовой порыв коня и трепетной лани, впряженных в одну телегу.

И когда член жюри конкурса «Мисс Ляжка-92», тревожа тень Достоевского, объявляет, что красота-де спасет мир, поневоле вспоминается этот самый дядька, проживающий в столице независимой Украины. По этой логике и терпимость к чужому мнению должна процветать лишь в доме терпимости.

Выразительным примером такого «сопряжения далековатых» стало крупнокалиберное братание красных и белых оппозиционеров, от которого у заморских наблюдателей ум за разум заходит. Им, бедолагам, невдомек, что ума-то тут как раз и не требуется: умом Россию все равно не понять, хоть ты тресни.

Для лучшего эффекта тактическая заединщина была провозглашена, ни много ни мало, окончанием Гражданской войны. Изящный ход. В самом деле, что тут возразишь? Кто станет нападать на Макса Волошину за строки, написанные как раз в годы Гражданской войны:

*«А я стою один меж них  
В ревушем пламени и дыме  
И всеми силами своими  
Молюсь за тех и за других?»*

Но при виде двух знамен — красного и черно-золотого, маячащих на

митингах оппозиции, мне вспоминается немного другое время и совсем другой поэт-острослов Дон-Аминадо, который описывал один номер благотворительного концерта, устроенного в Париже русскими эмигрантами:

*«Потом появились бояре  
в кафтанах,  
И хор их про Стеньку пропел  
и утешил,  
И это звучало тем более странно,  
Что именно Стенька бояр-то  
и вешал».*

Вот и рассудите, большая ли разница между ценителем пышных ляжек, цитирующим Достоевского, и отставным секретарем райкома, выводящим «Боже, царя храни!». А вот между плюрализмом и идейной групповухой разница имеется, и даже очень большая.

Чтобы ее показать, я, по примеру газетного батюшки, обратился бы к притче и напомнил классическую библейскую мизансцену — льва, лежащего вместе с ягненком. Зрелище, что и говорить, отрадное. Но если в знак примирения ягненок отрастит львиную гриву, а у льва прорежутся рожки, то такое «окончание гражданской войны» будет скорее смахивать на сцену из фильма ужасов для младших школьников, снятого на медные деньги.

Виктор Ланчиков



Рисунок  
Марата  
Таурова



# РЕСТОРАН «ОРИЕНТ»

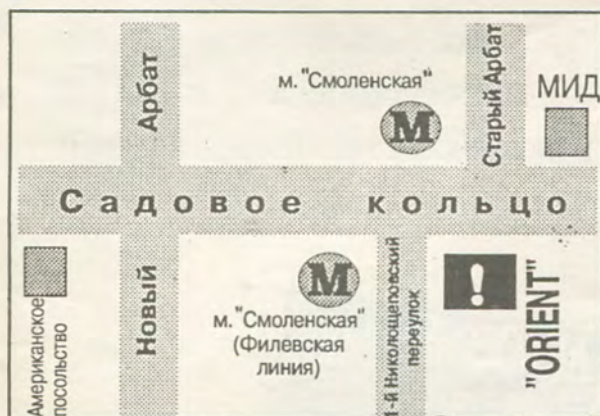
*поможет Вам приятно провести вечер, деловой обед или завтрак.*

Для Вас распахнуты двери нашей гостиной, где Вы можете провести деловые переговоры. Официанты, владеющие тремя иностранными языками, предложат Вам лучшие французские вина и коньяки, итальянские аперитивы, русскую водку и шампанское. 30-летний опыт и искусство наших поваров заслужат похвалу самых изысканных и требовательных гурманов!

Блюда континентальной кухни, восстановленные рецепты старинной русской кухни. Также Вас ждет сюрприз, если Вы любите экзотику, — это настоящая китайская кухня в центре Москвы.

А если Вы хотите что-то особенное, закажите за сутки. Мы приготовим это для Вас!

Если Вам надо провести прием дома или в Вашей фирме, наши повара и официанты помогут Вам. Мы обслуживаем как за рубли, так и за свободно конвертируемую валюту.



*Мы ждем Вас в самом центре Москвы с 12 часов дня до 12 часов ночи по адресу:*

**Смоленская площадь,  
1-й Николощеповский  
переулок, дом 1/9.  
Телефоны для заказов  
и справок:  
241-10-78,  
244-73-87.**



2231

# DELOVIE LYUDI

## THE MAGAZINE FOR BUSINESS LEADERS

### DELOVIE LYUDI (Business in the ex-USSR)

provides valuable and unique information on the CIS market. This enables decision-makers and entrepreneurs to follow the transition to a market economy in the former USSR.

DELOVIE LYUDI also offers foreign business-people an exceptional medium for communicating details concerning their companies, products and services. DELOVIE LYUDI is available in two editions with identical contents: 120,000 copies in Russian and 40,000 copies in English for the international edition.

Written by a Moscow editorial team, well-connected in top economic and social circles, DELOVIE LYUDI is independent, objective and thorough.

Subscription/Advertising:  
SCII

4, rue Brunel,  
75017-Paris-France  
Tel.: (1) 43.80.90.00  
Fax: (1) 42.67.75.48

Address  
of the editorial office:  
117342 Moscow,  
Profsoyuznaya Ulitsa, 73  
Tel.: (095) 333-33-40  
Fax: (095) 330-15-68  
Telex: 414741  
PREMO SU



THE INDEPENDENT ECONOMIC MONTHLY